

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Место словообразования в науке о языке

Выделение русского словообразования в особый раздел науки о языке произошло сравнительно поздно: в 60-е — 70-е гг. XX в. Традиционно словообразование рассматривалось либо как часть морфологии, либо как часть лексикологии. В работах лингвистов XIX в. словообразование чаще всего “растворялось” в этимологии. Высказывание известного русского ученого А. А. Шахматова о самостоятельности словообразования в системе других наук о языке, прозвучавшее в начале XX в., не было поддержано исследователями и на долгие годы осталось “особым мнением” в лингвистической теории.

Такой трудный путь становления русского словообразования можно объяснить двумя причинами. Во-первых, словообразование действительно теснейшим образом связано и с лексикологией, и с морфологией. Во-вторых, общая теория словообразования в XIX — начале XX в. практически отсутствовала. Существовали отдельные исследования разрозненных словообразовательных явлений, но всестороннего системного описания не было. Основы общей теории словообразования стали закладываться лишь в 40-е — 50-е гг. XX в. в работах В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, А. И. Смирницкого. Именно В. В. Виноградов впервые на конкретном материале показал не только связи словообразования с грамматикой, но и его специфику. Он же впервые дал классификацию способов русского словообразования.

О проблемах членимости слова, о своеобразии семантики и строения производных слов говорил в своих работах А. И. Смирницкий. Г. О. Винокур создал учение о продуктивных и непродуктивных, регулярных и нерегулярных моделях русского словообразования. Появление в 1946 г. его статьи “Заметки по русскому словообразованию” стало событием в истории отечественного языкознания. В ней впервые были четко сформулированы принципы синхронного словообразовательного анализа, разработана и пред-

ложена методика установления отношений синхронной производности.

Исследования В. В. Виноградова, А. И. Смирницкого, Г. О. Винокура практически подготовили тот своеобразный “словообразовательный взрыв”, который наблюдался в 60-е — 70-е гг. XX в. Это было время, когда одна за другой выходили работы Е. А. Земской, Н. А. Янко-Триницкой, Н. М. Шанского, Е. С. Кубряковой, П. А. Соболевой, В. В. Лопатина, И. С. Улуханова, А. Н. Тихонова и др. В них поднимались проблемы выделения значимых единиц в слове, определялись степени членимости слов (М. В. Панов, Е. С. Кубрякова, Н. А. Янко-Триницкая); описывались морфологические явления в словообразовании, закономерности сочетаемости морфем (В. В. Лопатин); изучались парадигматические и синтагматические связи между единицами словообразовательной системы (Е. А. Земская); рассматривались связи слов в словообразовательных гнездах (А. Н. Тихонов); всесторонне исследовалась словообразовательная мотивация и ее виды (И. С. Улуханов).

В процессе интенсивного изучения явлений и фактов словообразования постепенно вырабатывались научные понятия, оформлялись методы исследования, формулировались задачи, стоящие перед словообразованием, т. е. создавался весь тот научный арсенал, без которого невозможно самостоятельное существование любого раздела науки о языке.

Результатом этой огромной работы было создание стройной словообразовательной теории и выделение словообразования из ряда других лингвистических дисциплин.

В настоящее время вопрос о месте словообразования среди других разделов науки о языке практически снят.

Словообразование рассматривается как многосторонняя и сложная по своей организации частная система в общей системе языка. Соответственно расширилось и содержание термина “словообразование”. Он стал использоваться в двух значениях: 1) ‘процесс образования новых слов на базе других слов’; 2) ‘раздел языкознания, изучающий: а) производные слова и их системные связи; б) средства, участвующие в процессе образования новых слов’.

В задачи словообразования как особой отрасли науки о языке входит:

описание и изучение различных словообразовательных единиц и их объединений (производных слов, производящих слов, словообразовательных аффиксов, словообразовательных типов, словообразовательных категорий, словообразовательных парадигм, словообразовательных гнезд и др.). На основании признаков, присущих этим единицам, учение о словообразовании устанавливает их место и роль в словообразовательной системе, раскрывает характер отношений между ними и их связи с грамматической и лексической системами русского языка;

установление словообразовательной семантики и структуры производных слов, классификация и описание их. Производное слово — основная единица изучения словообразования, поэтому словообразование определяет семантические и структурные свойства производных слов в их соотнесенности со свойствами исходных единиц и по общим словообразовательным признакам классифицирует и описывает их;

определение и описание способов и моделей словопроизводства. Словообразование рассматривает, какими способами образуются производные слова и к каким словообразовательным типам они принадлежат, по образцу каких словообразовательных типов идет образование полнозначных частей речи и как эти типы взаимодействуют между собой;

выделение продуктивных и непродуктивных типов и моделей образования производных слов. Это общая задача, стоящая перед словообразованием. Она ведет к познанию действующих механизмов словообразовательной системы языка;

приведение в систему и раскрытие содержания накопленных наукой понятий.

Теория словообразования не стоит на месте. Она постоянно развивается. Появляются новые идеи, новые исследования. Ученые ставят вопрос уже не только о словообразовательном анализе, но и о словообразовательном синтезе (И. Г. Милославский), создают специализированные словари словообразовательных гнезд (А. Н. Тихонов) и морфем

русского языка (А. И. Кузнецова, Т. Ф. Ефремова), проводят сопоставительные исследования словообразовательных систем близкородственных языков (В. М. Никитевич, А. Д. Зверев, И. И. Ковалик, А. А. Лукашанец, Н. А. Павленко), расширяют наши представления о семантике производного слова (Е. С. Кубрякова, И. А. Ширшов, М. Н. Янценецкая). В ходе научного исследования словообразовательных явлений вырабатываются новые понятия, накапливаются новые представления и знания, которые необходимо приводить в систему и объяснять, чтобы обеспечить их усвоение. Этим и занимается словообразовательная теория.

Выделившись в особый раздел науки о языке, словообразование тем не менее сохранило свои связи с другими областями лингвистической теории. Как справедливо замечают Е. А. Земская и Е. С. Кубрякова, “в словообразовании, как в фокусе, сходится проблематика таких разных дисциплин, как синтаксис и морфология, морфонология и фонология, лексика и семантика, и само оно вбирает в себя и преломляет через свои нужды и задачи закономерности всех указанных подсистем”¹. Отмеченная специфика словообразования отличается тем, что объектом словообразовательного анализа является слово — самая многогранная и сложная единица языковой системы. Изучением ее занимаются практически все разделы языкознания. И каждый из них исследует только одну из сторон слова. Но фонетические свойства слова неразрывно связаны с лексическими и грамматическими: определенная материальная оболочка наполняется определенным лексическим и грамматическим содержанием и наоборот — определенное лексическое и грамматическое содержание получает определенное звуковое оформление. Новые слова, возникшие в процессе словопроизводства, сразу же включаются в фонетическую, лексическую и грамматическую системы языка. Поэтому не удивительно, что функционирование различных словообразовательных средств, использующихся при образовании новых слов, объединение и классификация различных словообразовательных единиц оказываются в

¹ Земская Е. А., Кубрякова Е. С. Проблемы словообразования на современном этапе // Вопросы языкознания. 1978. № 6. С. 113.

прямой зависимости от многих фонетических, лексических и грамматических явлений. В результате некоторые проблемы словообразовательной теории выходят за границы словообразования и вклиниваются в другие подсистемы языка, что и обуславливает пограничное положение словообразования по отношению к различным разделам языкознания.

Тесными и многосторонними являются связи словообразования с морфологией. Сама организация словообразовательной системы русского языка определяется наличием разных частей речи, лексико-грамматической дифференциацией словарного состава. Словообразование каждой части речи представляет собой отдельную словообразовательную подсистему. Сколько частей речи в современном русском языке, столько и словообразовательных подсистем, весьма специфических по своему содержанию, имеющих не только общие, но и различные характеристики, причем различия эти чаще всего обусловлены именно морфологическими свойствами слов, их принадлежностью к той или иной части речи. Так, каждая часть речи в современном русском языке имеет свой индивидуальный набор способов словообразования и свой индивидуальный состав словообразовательных средств. Например, имена существительные в современном русском языке образуются всеми действующими способами словообразования, а глагольное словообразование охватывает лишь различные виды аффиксации и сложения. Имена существительные в современном русском языке могут быть образованы в процессе произвольного сокращения слов и словосочетаний, который в словообразовании определяется термином «аббревиация», а имена прилагательные в современном русском языке могут образовываться в результате слияния лексических единиц. На уровне других частей речи мы почти не найдем ни аббревиатур (*МИД, военкомат, стройтрест, бионика*), ни слов типа *глубокоуважаемый, труднодоступный*, возникших и функционирующих на современном этапе развития языка.

Рассматривая состав словообразовательных средств различных частей речи, мы можем выделить специфические суффиксы имен прилагательных: *-н-, -ск-, -лив-/чив-*,

специфические суффиксы глаголов: *-ирова-/ова-, -е-, -ну-, -а-*, специфические суффиксы имен существительных: *-ость-, -ств-, -чик-/ицк-, -ец-, -ик-*.

Морфологическое разграничение слов может обусловливать размежевание словообразовательных средств не только между отдельными частями речи, но и внутри их. Так, деление имен существительных на слова мужского, женского и среднего рода отражается и на соответствующем делении их суффиксов. При образовании существительных мужского рода используются, например, суффиксы *-тель, -ник, -ист, -изм* (*строитель, проводник, фольклорист, байронизм*); женского — *-ость, -к(а), -иц(а), -и(а)* (*трудность, приманка, мастерица, библиотекарица*), среднего — *-иц(э), -ств(о), -иц(е), -ц(о)* (*пользование, при творство, убежище, слово*).

По-своему преломляется в глагольном словообразовании грамматическое своеобразие глагола. Во-первых, на организацию глагольной словообразовательной подсистемы большое влияние оказывает деление глаголов по видовому грамматическому значению и объединение многих из них в видовые пары. Значительное количество русских глаголов образуется в пределах внутриглагольного словообразования. Осуществляется их образование путем использования определенных словообразовательных средств — префиксов и суффиксов с противоположным по отношению к исходному слову видовым значением (*пахать — вспахать, зреть — созреть, усилить — усиливать, очаровать — очаровывать*).

Во-вторых, глагольные словообразовательные суффиксы используются не только как средство для образования новых слов. Являясь конечными компонентами основы глагола, они вовлекаются в систему глагольного словоизменения и выступают как показатели морфологического класса (словоизменительного типа) глагола.

Подавляющее большинство глаголов в современном русском языке имеет две основы: основу прошедшего времени, обычно совпадающую с основой инфинитива, и основу настоящего времени — *сине-л (сине-ть)* и *синеј-ут, салютова-л (салютова-ть)* и *салютуј-ут, прыгну-л (прыгну-ть)* и *прыгн-ут, суши-л (суши-ть)* и *суш-ат*. От этих двух

основ образуются все формы глагола. Характер соотношения основ глагола определяет его словоизменение и включение в определенный морфологический класс. Производные глаголы, образованные при помощи суффиксов, объединяются в одни и те же словоизменительные классы с теми непроеизводными глаголами, которые характеризуются таким же соотношением основ прошедшего и настоящего времени. Ср.:

требова-л — требу́ж-ут и *бракова-л — браку́ж-ут*
трамбова-л — трамбу́ж-ут и *советова-л — совету́ж-ут*
балова-л — балу́ж-ут и *пустава-л — пу́стуж-ут*.

Таким образом, у глагольных основообразующих суффиксов словообразовательные функции совмещаются с функциями словоизменительными.

Индивидуальные качества и свойства словообразовательных подсистем отдельных частей речи не препятствуют их объединению в общую словообразовательную систему русского языка. Но зависимость различных словообразовательных процессов и явлений от грамматических характеристик слова органически связывает данную систему с морфологической системой языка. Связь эта имеет двусторонний характер: словообразование и морфология как бы взаимно дополняют друг друга. С одной стороны, в результате дифференцированного распределения словообразовательных единиц по грамматическим классам, разрядам и словоизменительным моделям обеспечивается соответствие продуктов словообразования тому, что свойственно морфологической системе русского языка. С другой стороны, закрепляясь за определенными лексико-грамматическими классами слов, словообразовательные аффиксы превращаются в их дополнительные грамматические признаки. “Дифференцированное распределение деривационных (словообразовательных) аффиксов по различным частям речи способствует поляризации разных формальных классов слов; оно делает деривационный аффикс особой классификационной приметой той или иной части речи, или — внутри одной части речи — маркером группы слов со специфическими словоизменительными особенностями”².

² Общее языкознание (внутренняя структура языка). М., 1972. С. 352.

Особо следует остановиться на том, что учение о словообразовании имеет общий раздел с морфологией. Этим общим разделом является **морфемика** — учение о значимых частях слова, т. е. морфемах. Проблемы, связанные с выделением, классификацией и характеристикой морфем, с определением морфемного строения слов одновременно решаются и словообразованием, и морфологией. Это объясняется тем, что словообразовательные средства, участвующие в формировании слова, становятся его частями и превращаются в единицы, характеризующие строение слова, т. е. его морфологию. К тому же многие словообразовательные средства русского языка наделены грамматической значимостью (глагольные суффиксы, постфикс *-ся*, суффиксы имен существительных) и вместе со словоизменительными суффиксами придают слову грамматическую оформленность.

Характер связей словообразования с морфологией свидетельствует о том, что русское словообразование строится на грамматической основе. Его внутренняя организация соотносится с распределением слов по знаменательным частям речи, а в пределах отдельных частей речи — по лексикограмматическим разрядам и образцам словоизменения. Однако положение словообразования в системе языка определяется не только структурнограмматическими, но и лексико-семантическими свойствами его единиц.

По своим задачам словообразование лексично, его продукт — номинативные единицы языка со своим индивидуальным лексическим содержанием. Производные слова принадлежат лексической системе, их изучение дает возможность выявлять закономерности развития различных лексико-семантических групп. В то же время при характеристике производного слова мы обращаемся к его содержательной стороне. Членение производной лексической единицы на значимые части основывается на анализе ее смысловой структуры, на учете ее семантических и формальных связей с другими единицами.

Многое связывает словообразование с лексической системой русского языка. Лексика имеет очень сложную организацию. На отношениях и связях ее единиц сказывается

ся влияние многих факторов, в том числе и словообразовательных. Общие морфемы (корневые и аффиксальные) так или иначе связывают слова, объединяют их. Связаны между собой, например, однокорневые слова *три, трое, третий, втрое, в-третьих, втроем, трижды, тринадцать, тридцать, треть, тройка, тройник, тройня, троечник, тройной, троякий, третичный, тройственный, троить* или *мысль, мыслить, мышление, мыслитель, вымысел, замысел, смысловой, смысл, осмыслить, размышление*. Связь как проявление определенной общности есть у производных слов *тетеревенок, журавленок, олененок, слоненок, зубренок, тигренок, лосенок, страусенок, медвежонок, верблюжонок, волчонок, скворчонок, лягушонок* и слов *перейти, переплыть, перебежать, переехать, перенести, перелететь, перевезти, перекатить, перекочевать, перетаскать*. Морфемно-словообразовательные связи влияют на организацию словаря в целом, и словообразование выступает как важный внутриязыковый фактор, определяющий системность лексики³.

Не случайно в зарубежной лингвистике словообразование до сих пор рассматривается как раздел лексикологии. Истоки подобного подхода — в лексичности словообразовательных единиц и соприкосновении лексикологических и словообразовательных планов их изучения. Однако исследователи русского словообразования в настоящее время придерживаются иного мнения. Тесные связи словообразования с грамматикой и лексикой не лишают учение о словообразовании его специфики и известной самостоятельности. Все-таки есть достаточно объективные основания считать словообразование отдельной лингвистической дисциплиной со своими задачами, своим набором единиц, выступающих в качестве объекта исследования, и своим особым подходом к изучаемым явлениям.

³ **Иванникова Е. А.** О производных словах как объекте лексикографии // Современная русская лексикография. Л., 1975. С. 66; **Супрун А. Е.** Лекции по языковедению. Мн., 1978. С. 61.

Производное слово как объект изучения словообразования

С точки зрения словообразования весь лексический материал, существующий в языке, делится на два класса — на **слова производные и непроизводные**.

Производные слова имеют свои характерные черты, которыми они отличаются от слов непроизводных. Специфика производных слов проявляется прежде всего в наличии формальных и семантических связей с другими однокорневыми словами. Значение и звучание производных слов всегда мотивированы. Показатель этой мотивированности — определение значения производного слова путем ссылки на **исходное слово** (то слово, от которого оно непосредственно образовано) — *виноградина* — ‘ягода **винограда**’, *льготный* — ‘предоставляемый кому-нибудь в виде **льготы**’, *корзинщик* — ‘человек, занимающийся изготовлением или продажей **корзин**’. Подобная методика при определении значения производных слов работает именно потому, что лексическая семантика производного слова обычно опирается на значения его составных частей. Ср.: *город* — *горожанин*, *кислый* — *кисловатый*. У слов *город* и *кислый* отсутствует связь между их значением и строением. Почему *город* назван *городом*? Почему некоторые наши вкусовые ощущения определяются прилагательным *кислый*? Без специальных этимологических изысканий мы вряд ли ответим на эти вопросы. В современном русском языке значение этих слов не мотивировано. Определить его мы можем только **описательным** способом, раскрывая заключенные в нем понятия.

Город — ‘крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр’⁴.

Кислый — ‘имеющий своеобразный острый вкус, напоминающий вкус лимона, уксуса, клюквы и т. п.’.

Иную картину мы наблюдаем, анализируя слова *горожанин* и *кисловатый*. Значение этих слов обусловлено их строением. Мы можем определить его, опираясь на значение однокорневых слов *город* и *кислый*, от которых непо-

⁴ Здесь и далее описательные толкования слов приводятся по: Словарь русского языка. М., 1981 — 1984. Т. 1 — 4.

средственно образованы интересующие нас слова. Кто такой *горожанин*? — Житель *города*. В каких случаях мы используем для обозначения своих вкусовых ощущений слово *кисловатый*? Когда едим что-то слегка *кислое*.

Значение слов *горожанин* и *кисловатый* четко распадается на две смысловые части. Одна смысловая часть значения слова *горожанин* соотносится со значением существительного *город*. Другая смысловая часть значения слова *горожанин* совпадает с понятием, выражаемым в русском языке словом *житель*. Аналогично и семантическое деление слова *кисловатый* — значение его складывается из значений слов *кислый* и *слегка*. Роль смысловых частей в семантике слов *горожанин* и *кисловатый* (равно как и у других производных слов) неодинакова. Семантические компоненты, общие для производного и исходного слова, являются основными, **мотивирующими**. Именно они связывают и объединяют в семантическом и формальном отношении слова *город* и *горожанин*, *кислый* и *кисловатый*. Семантические компоненты, отличающие производное слово от исходного, имеют дополнительный характер. С одной стороны, они выделяют слова *горожанин* и *кисловатый* как новые лексические единицы, а с другой — ставят их в один словообразовательный ряд с теми производными словами, в значении которых присутствует тот же семантический компонент. Ср.: *кисловатый* — ‘слегка кислый’, *беловатый* — ‘слегка белый’, *соленоватый* — ‘слегка соленый’, *горьковатый* — ‘слегка горький’, *желтоватый* — ‘слегка желтый’...; *горожанин* — ‘житель города’, *минчанин* — ‘житель Минска’, *гомельчанин* — ‘житель Гомеля’...

Членение семантики слов *горожанин* и *кисловатый* на смысловые части соответствует их структурному делению. Основные компоненты значения (мотивирующие) выражаются теми звуковыми отрезками, которые являются общими для слов: *город* — *горож-анин*; *кисл(ый)* — *кисловат(ый)*. Остальная (дополнительная) часть содержания слов *горожанин* и *кисловатый* связана со значимыми звуковыми отрезками — *-анин* и *-оват-*. Эти отрезки являются **словообразовательными средствами**, при помощи ко-

торых образуются новые слова в современном русском языке.

Таким образом, слова *горожанин* и *кисловатый* отличаются от слов *город* и *кислый* структурой и характером выражения значения. Будучи мотивированными наименованиями явлений действительности, они имеют более сложное, по сравнению с непроеизводными словами, строение (*город-о* — *горож-анин-о*; *кисл-ый* — *кисл-оват-ый*) и содержание (*горожанин* — значение слова *житель* + значение слова *город*; *кисловатый* — значение слова *слегка* + значение слова *кислый*).

Все производные слова в современном русском языке — единицы вторичные и выводимые из других однокорневых слов. Они обладают определенной номинативной спецификой. Их лексическая семантика всегда опирается на какой-то образ или признак, положенный в основу наименования (*школьник* — ‘тот, кто учится в школе’, *сахарница* — ‘предмет, в который насыпают или кладут сахар’).

Это значит, что каждое производное слово имеет **внутреннюю** форму. Она возникает благодаря соотнесенности производного слова с другой лексической единицей, в результате чего появляется мотивирующая часть в семантической структуре производного слова.

Семантические и материальные связи производных слов с другими однокорневыми словами обуславливают и возможность использования **отсылочного** способа при толковании их значения. Чтобы раскрыть семантическое содержание любого производного слова, не нужно описывать понятие, которое оно обозначает, достаточно сослаться на значение соответствующего производящего слова и соединить его со значением использованного словообразовательного средства.

Первым, кто обратил внимание на эту особенность производных слов, был Г. О. Винокур. В статье “Заметки по русскому словообразованию” (1946) он впервые отметил, что **значение производного слова всегда определяется через семантику другого знака**. Это четко сформулированное положение было названо позже критерием Г. О. Винокура.

Критерий Г. О. Винокура получил широкое распространение среди исследователей русского словообразования. За короткое время он стал основным инструментом, позволяющим раскрывать и описывать системные связи производных слов, своеобразие их структурного деления и семантики. Популярность критерия Г. О. Винокура в отечественном словообразовании объясняется, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых он обращен к содержательной стороне слова и его практическое применение помогает сразу определить, производное перед нами слово или нет. Во-вторых, он учитывает связь семантики производного слова с его словообразовательной структурой. И, представляя основную семантику производных слов в развернутом виде, мы легко устанавливаем связи между производным словом и его производящим (мотивирующим), при этом мы объединяем их в простейшую комплексную единицу словообразовательной системы — **словообразовательную пару**. На уровне словообразовательной пары мы можем исследовать структурные и семантические отношения между производным и производящим словами, которые в лингвистической теории определяются как отношения **словообразовательной производности** (или словообразовательной мотивации). Сопоставляя материальный состав слов, входящих в словообразовательные пары, мы можем выявить общую, мотивирующую часть и часть, которой производное слово отличается от исходного: *лист* → *лист-в(а)*, *лоз(а)* → *лоз-няк*, *кресл(о)* → *креслиц(е)*, *автор* → *со-автор*, *получа(ть)* → *получа-тель*, *государств(о)* → *государств-енн(ый)*, *привлека(ть)* → *привлека-тельн(ый)*, *прочный* → *сверх-прочный*, *прям-(ой)* → *выпрям-и(ть)*, *избрать* → *пере-избрать*.

Таким образом, используя критерий Г. О. Винокура, мы, с одной стороны, выявляем такое формально-семантическое свойство слова, как мотивированность (вторичность, выводимость), а с другой — как бы реконструируем словообразовательный акт: показываем, как производное слово сформировалось, какая формальная операция использована при его образовании.

Ср. слова *талантливость*, *артист*, *перчить*, *молодой*. Как установить, не заглядывая в словари, какие из этих

слов производны, а какие — нет? Для этого достаточно попытаться определить их значение. Те слова, содержание которых можно будет раскрыть при помощи критерия Г. О. Винокура (ссылаясь на мотивирующее слово), и будут производными словами: *талантливость* — ‘свойство или признак *талантлив*ого’; *артист* — ‘тот, кто занимается публичным исполнением произведений искусства’; *перчить* — ‘посыпать *перцем* что-нибудь или класть *перец* во что-нибудь’; *молодой* — ‘не достигший зрелого возраста, юный’.

Анализ данных слов показывает, что критерий Г. О. Винокура работает только при определении значений слов *талантливость* и *перчить*. Следовательно, именно эти слова являются производными. Они связаны отношениями словообразовательной производности со словами *талантливый* и *перец* на уровне **словообразовательных пар** *талантливый* → *талантливость*, *перец* → *перчить*. Сравнив компоненты данных словообразовательных пар, мы найдем мотивирующие части производных слов и их словообразовательные средства: *талантлив(ый)* → *талантлив-ость*, *перец* → *перч-и(ть)*.

Методика исследования формально-семантических свойств производных слов, предложенная Г. О. Винокуром, особенно эффективна при характеристике тех производных слов, значение которых полностью складывается из значений составляющих их частей: *больш-ущ(ий)* — ‘очень *большой*’, *черкеш-енк(а)* — ‘лицо женского пола к *черкес*’, *сестр-ин* — ‘принадлежащий *сестре*’, *волч-иц(а)* — ‘самка *волка*’. Однако в современном русском языке внутренняя семантическая организация производных слов — явление весьма неоднозначное. Рядом со словами, значение которых целиком опирается на семантику структурно-словообразовательных частей, функционируют слова, в содержании которых выделяются дополнительные семантические компоненты, не связанные с каким-либо структурным элементом слова. Так, значение слов *новеллист* — ‘лицо, которое пишет *новеллы*’, *цимбалист* — ‘лицо, которое играет на *цимбалах*’, *велосипедист* — ‘лицо, которое ездит на *велосипеде*’, состоит из трех семантических частей. Одна из них (‘лицо’) непосредственно связана с суффиксом *-ист-*,

другая ('новеллы', 'на цимбалах', 'на велосипеде') — с мотивирующими словами. И только та семантическая часть, которая передается словами *пишет, играет, ездит*, не имеет своего материального выражения в словообразовательной структуре слов *новеллист, цимбалист, велосипедист*. Она участвует в формировании их общего лексического содержания как дополнительный смысловой компонент. Такие дополнительные смысловые компоненты в словообразовательной теории часто называют семантическими "приращениями". Впервые они были отмечены еще в начале XX в. Ф. Ф. Фортунатовым, а подробно описаны только в 1956 г. М. В. Пановым. В работе "О слове как единице языка" он детально проанализировал свойство производных слов выражать добавочные смыслы и назвал его **фразеологичностью** (или идиоматичностью) **семантики производного слова**.

Фактически все производные слова в современном русском языке можно разделить на две большие группы:

1) слова, значение которых полностью складывается из значения их структурно-словообразовательных частей: *лобастый* — 'имеющий большой лоб', *руководительница* — 'женщина-руководитель';

2) слова, значение которых шире значения составляющих их структурно-словообразовательных частей: *лежак* — 'род [деревянной] кровати для того, чтобы *лежать* [на открытом воздухе, на пляже, в саду, в парке]', *передвижник* — 'участник *передвижных* художественных *выставок* [передовой, демократически настроенный художник-реалист второй половины XIX в. в России]'.

Лексическая семантика данных слов фразеологизирована. Она не выводится из значения их структурных частей. Ее невозможно предугадать, опираясь на родственные однокорневые слова и слова, в структуре которых есть то же словообразовательное средство. Ее нужно знать.

Следующий шаг в характеристике семантики производных слов был сделан в середине 70-х гг. В. В. Лопатыным. Анализируя словообразовательную структуру производных слов типа *небоскреб, лизоблюд*, он ввел понятие

метафорической⁵ мотивации, подчеркнув, что этот тип мотивации отмечается в тех случаях, когда переносный смысл возникает на уровне мотивированного слова, в его словообразовательной структуре.

Позже в работах Е. А. Земской понятие метафорической мотивации наполнилось несколько иным содержанием. Метафорическими стали признаваться отношения только в парах типа *ишак* — *ишачить*, *обезьяна* — *обезьяничать*, *попугай* — *попугайничать*, где производные слова возникают на базе переносных (метафорических) значений производящих. Словарные толкования лексем *остряк* ('остроумный, любящий говорить остроты человек') и (*воронить* 'быть рассеянным, невнимательным, нерасторопным') не отражают их словопроизводственных отношений. Но если мы воспользуемся критерием Г. О. Винокура, то увидим, что *остряк* это буквально 'острый человек', но *острый* в переносном значении — 'остроумный, язвительный', а *воронить* — 'быть вороной', но не в прямом, а тоже в переносном значении (ворона — 2. *Перен.* 'О рассеянном, невнимательном человеке').

Кроме метафорической, существует еще и **периферийная мотивация**. О ней мы говорим тогда, когда производные слова имеют живые семантические связи с производящими, но связи эти не являются основными. Семантика производных слов опирается на семантику производящих, но связана с ней лишь частично.

Беседка — 'легкое парковое или садовое строение, предназначенное не только для *беседы*, но и для отдыха, защиты от дождя, солнца'.

Бумажник — 'карманный портфельчик не только для *бумажных* денег, но и для документов'.

Введение понятий метафорической и периферийной мотивации значительно расширяет наши представления о процессе формирования семантики производного слова, характер которой во многом определяет его место в словообразовательной системе.

⁵ **Лопатин В. В.** Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования, I. Ташкент, 1975.

Существование формальной и семантической связи между производными и исходными словами позволяет рассматривать производное слово как единицу, созданную по определенным правилам на базе исходного слова. Это продукт словообразования — способа создания мотивированных наименований. Естественно, что производные слова заключают в себе данные о словообразовании и его единицах. Исследование производных слов, фиксируемых в письменных и устных текстах, — это один из путей к пониманию характера русского словообразования, основание для выделения и описания его свойств и особенностей.

Синхронный и диахронный (исторический) аспекты изучения словообразования

Язык с его подсистемами и их единицами с течением времени постепенно изменяется. При этом меняются и характеристики языковых элементов и явлений. Поведение той или иной единицы языка в настоящее время может значительно отличаться от ее поведения в прошлом. Такая зависимость языкового бытия от плана его временного существования обязательно должна учитываться исследователями. Помогают им в этом методы синхронного и диахронного (исторического) изучения языков и их подсистем, которыми (методами) пользуется современное языкознание. Они основываются на учете фактора времени и характера отношений между единицами языка с временным планом. При синхронном подходе главное внимание сосредоточивается на свойствах одновременно существующих фактов и элементов языка. В результате определяются отношения между языковыми единицами как элементами системы в один из временных периодов.

Диахронные (исторические) методы используются при исследовании языковых явлений и процессов, наблюдающихся в системе языка в различные промежутки времени. Изучая разновременные языковые факты, диахроническое языкознание устанавливает причины изменений в системе языка, время возникновения и завершения различных языковых процессов и пути их развития.

Синхронные и диахронные (исторические) методы исследования используются при изучении любой частной

подсистемы языка, в том числе и словообразования. Соответственно выделяются синхронное словообразование и диахронное (историческое) словообразование.

Синхронное словообразование выделяет и характеризует словообразовательные единицы, существующие одновременно. При синхронном описании современной словообразовательной системы исходят из живых словообразовательных связей между словами, связей, которые осознаются теперь носителями языка как реальные. Так, наречие *вдруг* не связано в настоящее время отношениями словообразовательной производности со словом *друг* и квалифицируется как слово непроизводное. Лишилось свойства производности, например, слово *ведомство*, так как его значение не опирается на слово *ведомый*. *Ведомство* выступает теперь в качестве непроизводного слова, которое имеет свои словообразовательные связи со словами *ведомственный*, *вневедомственный*, *внутриведомственный*, *межведомственный*, *подведомственный*).

Диахронное (историческое) словообразование занимается анализом и изучением словообразовательных единиц, существующих в различные промежутки времени. При диахронном (историческом) подходе устанавливается время появления производного слова и способ его образования, раскрывается его первоначальная словообразовательная структура, выявляются те изменения, которые эта структура претерпела. Современные характеристики производных слов и других словообразовательных единиц при таком подходе соотносятся с их характеристиками в прошлом, поэтому историческое изучение словообразовательных фактов всегда опирается на данные синхронных описаний. Любое историческое исследование обязательно охватывает несколько временных периодов. Но каждый временной период — это определенный синхронный срез. Состояние словообразовательной системы на этом синхронном срезе определяется и описывается синхронным словообразованием.

Таким образом, диахронное (историческое) словообразование существует и развивается на базе результатов синхронных исследований. И в то же время при изучении различных словообразовательных явлений нельзя смешивать

синхронное и диахронное (историческое) словообразование. Не случайно требование разграничить синхронию и диахронию в словообразовании было выдвинуто еще в конце XIX — начале XX в. русскими учеными И. А. Бодуэном де Куртенэ и Ф. Ф. Fortunatovым.

Ф. Ф. Fortunatov считал, что нельзя объяснять факты одной эпохи, меряя их мерками другой эпохи. Он говорил, что важно не смешивать факты, существующие в данное время в языке, с теми, какие открываются при изучении истории языка. Однако при синхронном и диахронном (историческом) описаниях меняются не только языковые факты. Меняется содержание многих терминов, которыми в равной мере пользуются как синхронное, так и диахронное (историческое) словообразование.

Возьмем такие знакомые нам уже понятия, как **производное слово и производящее (исходное) слово**. Они встречаются и в синхронных, и в диахронных (исторических) описаниях. Но в диахронном словообразовании содержание данных терминов **конкретно-историческое**. Производным считается более позднее по происхождению слово, производящим — более раннее. В синхронном же словообразовании содержание данных терминов чисто функциональное. Определяются формально-семантические отношения между словами в изучаемый период. Направление производности устанавливается в зависимости от того, какое слово является более сложным по форме и содержанию, а какое — более простым. Производным обычно считается слово, отличающееся большей формальной и смысловой сложностью.

Различным содержанием в зависимости от синхронного или диахронного (исторического) подхода наполняется и термин “продуктивность”.

Для синхронного словообразования важно, что на каком-то временном срезе существует отношение производных и производящих слов типа *подметать* — *подметальщик*, *поливать* — *поливальщик*.

По этой модели можно образовать существительное с суффиксом *-льщик* от любого переходного глагола со значением деятельности. Следовательно, данная модель продуктивна.

Подобный вывод мы можем получить и в диахронном (историческом) словообразовании, но идти к нему придется другим путем. Для определения продуктивности образования имени существительного с суффиксом *-льщик* мы должны будем проанализировать несколько временных периодов, сравнить количество слов с суффиксом *-льщик* в XVIII, XIX — начале XX вв. и в настоящее время. И только сравнив результаты исследований, полученные на определенных синхронных срезах, мы можем сделать вывод о продуктивности или непродуктивности интересующей нас словообразовательной модели.

Морфемика — учение о значимых частях слов

Морфемика — это раздел грамматики, изучающий морфы и морфемы как минимальные (элементарные) значимые части слов и словоформ. Она занимает промежуточное положение между морфологией, словообразованием и морфонологией, так как морфемы, являясь существенными компонентами слов и словоформ, могут изучаться с разных точек зрения. Морфологию интересует функционирование и значение морфем, участвующих в образовании словоформ. Словообразование занимается изучением морфем, использующихся при образовании новых слов и являющихся носителями определенного словообразовательного значения. В морфологии описывается формальное строение морфем и правила их сочетания с другими морфемами. К собственным задачам морфемики, выделяющим ее в особый раздел языкознания, относится: рассмотрение принципов выделения минимальных значимых частей в словоформах;

выделение критериев, необходимых для отождествления и различения этих частей как значимых языковых единиц;

классификация морфем и соответствующая их характеристика.

Для обозначения минимальных значимых частей в морфемике используются термины *морф* и *морфема*. В чем состоит различие между этими терминами? Как соотносятся выражаемые ими понятия?

Разграничение этих понятий тесно связано с нашими представлениями о линейности/нелинейности в языке. Деление языковой системы на язык и речь, предложенное Ф. де Сосюром, объективно привело к выделению линейных и нелинейных языковых единиц. **Линейные единицы** — это конкретные языковые единицы, вычленяемые в речевом потоке. Им противопоставлены **нелинейные языковые единицы**, имеющие обобщенный характер и представляющие собой совокупность соответствующих линейных единиц. Так, в речевом потоке мы всегда используем не слова, а словоформы необходимых для коммуникации слов. Следовательно, **словоформы** — это конкретные линейные единицы, представляющие слова в процессе речевой деятельности. А отдельно взятые **слова** — это обобщенные нелинейные единицы, состоящие из ряда словоформ с тождественным лексическим значением. Ср.:

слово *дорога* $\left\{ \begin{array}{l} \text{дорог-а, дорог-и, дорог-е, дорог-у, дорог-ой,} \\ \text{(о) дорог-е;} \\ \text{дорог-и, дорог-о, дорог-ам, дорог-и, дорог-} \\ \text{ами, (о) дорог-ах.} \end{array} \right.$

В понятии **слово-лексема** обобщается то лексическое и грамматическое содержание, которое получает свое выражение в его **словоформах**.

Таким же образом соотносятся между собой понятия **морф** и **морфема**.

Морф — это минимальная значимая часть, выделяемая в составе словоформы. Это линейная (синтагматическая) языковая единица, конкретный представитель морфемы в словоформе.

*Над вод-ой стел-ет-ся горьк-оват-ый дым-ок костр-а;
В чай-ник-е буль-ка-ет и пере-ли-ва-ет-ся пен-ист-ыми
бугр-ами вод-а.*

Морфема — это нелинейная (парадигматическая) единица языка, представляющая собой совокупность тождественных морфов. Тождество морфов определяется по наиболее существенным признакам: по их фонемному составу и по значению. При сопоставительной характеристике морфов учитываются и факторы, которые обуславливают их формальные различия (фонемный состав и значение соседних морфов), а также способность к взаимозамене.

Учет наиболее существенных признаков морфов служит основанием, с одной стороны, для их объединения и отождествления, с другой — для их разграничения.

Сравните значимые части слов, выделенные в словоформах *петербурж-ец* и *москв-ич*, *лет-чик* и *стуль-чик*, *шелест-е-ть* и *за-рас-ти*, *прост-ейш-ий* и *легч-айш-ий*. Морфы *-ец* и *-ич* в словоформах *петербуржец* и *москвич* имеют одно и то же значение 'житель', выполняют одну и ту же функцию, но фонемный состав их абсолютно различен. Следовательно, перед нами два морфа, относящиеся к разным морфемам. Морфы *-чик* (в словоформе *летчик*) и *-чик* (в словоформе *стульчик*) совпадают по своему фонемному составу, но значение их неодинаково: морф *-чик* в словоформе *летчик* имеет значение лица, а морф *-чик* в словоформе *стульчик* имеет значение уменьшительности, поэтому они тоже не могут быть объединены в одну морфему. Морфы *-ть* и *-ти* в словоформах *шелестеть* и *зарастить* выполняют одну и ту же функцию: являются показателями инфинитива. Формальные различия между ними (морф *-ти* осложнен гласным [и]) обусловлены их позицией в словоформе — морф *-ти* обычно является ударным слогом словоформы. Если же ударение переносится на основу, *-ти* может переходить в *-ть* (*произнес-ти* — *произнес-ть*, *вывес-ти* — *вывес-ть*). Следовательно, формальные различия между данными морфами являются несущественными. Они не препятствуют их объединению в одну морфему. Морфы *-ейш-* и *-айш-* в словоформах *простейший* и *легчайший* тождественны по значению. Прилагательные, имеющие в своем составе эти морфы, выражают высокую степень проявления признака (*нов-ейш-ий*, *добр-ейш-ий*, *сильн-ейш-ий*, *светл-ейш-ий* и *высоч-айш-ий*, *строж-айш-ий*, *ближ-айш-ий*, *глубоч-айш-ий*). Формальные же их различия объясняются позиционным распределением морфов: морф *-айш-* всегда выступает в позиции после шипящих, поэтому с полным основанием мы можем считать эти два морфа одной обобщенной единицей.

Таким образом, **в одну морфему объединяются морфы, тождественные по значению и обладающие определенной фонематической близостью.** Под фонематической близостью понимается не полное совпадение, а

частичная тождественность состава их фонем. Так, к одной корневой морфеме относятся морффы, представленные в словоформах *дви-а-ть* — *движ-ени-э*, *дви-ну-ть*. Эта корневая морфема состоит из трех морффов: *дви-г-/движ-/дви-*. Одной морфеме принадлежат и корневые морффы *мох-/ми-/мх-*, которые выделяются в словоформах *мох-ов-ой*, *о-ми-ан-ик*, *мх-ом*. В одну морфему входят аффиксальные морффы *-и-г-/г-* (*белич-и-г*, *белич-г-а*); *-ыва-/ва-* (*разлам-ыва-ть*, *оправд-ыва-ть*, *расхвал-ива-ть*, *закры-ва-ть*, *узна-ва-ть*); *-ени-г-/ен-г-/ни-г-/н-г-* (*уваж-ени-э*, *уваж-ен-г-э*, *вышива-ни-э*, *вышива-н-г-э*); *-ну-/н-* (*стук-ну-ть*, *стук-н-ет*); *-ся/-сь* (*вовлекал-ся*, *вовлекал-сь*); *-иш-/ш-* (*сledi-иш-ий*, *вези-иш-ий*); *над-/надо-* (*над-колоть*, *надо-рвать*); *от-/ото-* (*отпили-ть*, *ото-гнуть*); *-ой/-ою* (*стрел-ой*, *стрел-ою*). Соединение в одной морфеме двух и более морффов не лишает ее материальной основы. Семантическое тождество и формальная близость морффов обеспечивают единство морфемы как обобщенной единицы.

Исключением из общего правила являются морфемы, состоящие из морффов *-онок-/енок-/ат-* и *-ова-/у-г-*. Эти морффы выделяются в словоформах слов типа *крольчонок* и *рисовать* (*крольч-онок* — *крольч-ат-а*, *кот-енок* — *кот-ят-а*, *бельч-онок* — *бельч-ат-а*; *рис-ова-ть* — *рис-у-г-ут*, *зим-ова-ть* — *зим-у-г-ут*, *дикт-ова-ть* — *дикт-у-г-ут*). Семантически они тождественны, но формальной близости (частичного совпадения фонемного состава) у них нет. В одну морфему данные морффы объединяются только на основании одного признака — функционального.

Отношения, возникающие между морфами в составе одной морфемы, не всегда одинаковы. Они могут быть охарактеризованы либо как отношения **дополнительной дистрибуции** (распределения), либо как отношения **свободного варьирования**.

При отношениях дополнительной дистрибуции морффы в пределах одной морфемы распределяются по грамматическим позициям. Их фонематический облик варьируется в зависимости от лексических или грамматических условий, в которые они попадают в процессе слово- или формообразования.

Ср.: *гон-щик, свар-щик, точиль-щик, бунтов-щик* и *лет-чик, перевод-чик, рез-чик, перепис-чик, перебеж-чик*.

Морфы *-чик/-щик*, участвуя в образовании производных слов, выполняют одну и ту же функцию: привносят в производящую основу значение лица. Но морф *-чик* используется только в том случае, если производящая основа оканчивается на *-т, -д, -с, -з*. При других фонетических условиях в образовании производного слова участвует морф *-щик*.

Морфы *-ыва-/ва-* используются в глагольном словообразовании. С их помощью образуются глаголы несовершенного вида. Тождественность значения у них сочетается с различной фонематической оформленностью, которая объясняется неодинаковым характером корневых морфов производящих основ. Морф *-ва-* обычно присоединяется к производящей основе с односложным корневым морфом, оканчивающимся на гласный: *у-мы-(ть) — у-мы-ва-(ть), вы-ши-(ть) — вы-ши-ва-(ть), от-пи-(ть) — от-пи-ва-(ть), за-ры-(ть) — за-ры-ва-(ть)*. Если же корневой морф производящей основы оканчивается на согласный, в качестве словообразовательного средства выступает морф *-ыва-: рас-кат-а-(ть) — рас-кат-ыва-(ть), о-правд-а-(ть) — о-правд-ыва-(ть), вы-работ-а-(ть) — вы-работ-ыва-(ть)*. Такие тождественные по значению морфы, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции, называются **алломорфами** (термин введен в 40-е гг. XX в. американскими дескриптивистами). Алломорфы одной морфемы встречаются как в разных лексемах, так и в разных словоформах одного и того же слова: *друж-еск-ий, юнош-еск-ий, человек-еск-ий* и *город-ск-ой, мор-ск-ой, завод-ск-ой* — морфы *-еск-/ск-*; *песоч-ек — песоч-к-а, крючоч-ек — крючоч-к-а, кусоч-ек — кусоч-к-а* — морфы *-ек-/к-*. Заменять друг друга алломорфы не могут: этому мешает их позиционная закрепленность.

При отношении свободного варьирования морфы в пределах одной морфемы тождественны не только по значению, но и по позиции в словоформе. Находясь в одинаковых фонетических и грамматических условиях, они свободно замещают друг друга. Их фонетическое оформление зависит не от позиции в словоформе, а от сферы употреб-

ления: как правило, один из морфов имеет более сниженную стилистическую окраску.

Ср.: *терпе-ниј-э* — *терпе-н'ј-э*, *вяза-ниј-э* — *вяза-н'ј-э*, *горе-ниј-э* — *горе-н'ј-э*.

Морфы *-ниј-/-н'ј-* используются при образовании отглагольных имен существительных со значением отвлеченного действия. При тождественности значения и общей позиции в словоформе они отличаются друг от друга только своей стилистической окраской: *-ниј-* участвует в образовании производных слов, употребляющихся в нейтральном стиле, а *-н'ј-* тем же производным словам придает разговорную окраску. Морфы, находящиеся в пределах одной морфемы в отношениях свободного варьирования, называются **вариантами морфемы**. Варианты морфемы могут быть как полными, так и частичными.

Полные варианты морфемы находятся в неограниченных отношениях свободного варьирования — они всегда замещают друг друга в любых фонематических и грамматических условиях: *мн-ой* — *мн-ою*, *соб-ой* — *соб-ою*, *трав-ой* — *трав-ою*, *молод-ой* — *молод-ою*.

Частичные варианты морфемы не всегда сохраняют отношения свободного варьирования. В окружении одних морфов они легко заменяют друг друга, в окружении других — эта способность к взаимозамене утрачивается.

Ср.: *бес-страш-иј-э* — *бес-страш-ј-э*,
бес-смерт-иј-э — *бес-смерт'-ј-э*,
без-власт-иј-э — *без-власт'-ј-э*,

но только *по-ветр-иј-э*, *пут-е-шеств-иј-э*.

Морфы *-иј-/-ј-* свободно варьируются при образовании слов типа *бессмертие*, но при образовании слов типа *поветрие*, *путешествие* используется только один из вариантов морфемы — морф *-иј-*.

Морф и морфема — это единицы, качественно отличные от словоформ и слов. Они обладают значением, но их значение не является автономным и не может приравниваться к лексическому значению слова. Свою значимость морфы и морфемы реализуют только в процессе образования слов и словоформ, частями которых они становятся. Функциональная несамостоятельность морфов и морфем сочетается с таким важным их свойством, как повторе-

мость. Один и тот же морф, одна и та же морфема могут быть представлены в нескольких словоформах одного или разных слов: *смол-ист-ый, ил-ист-ый, глин-ист-ый, азот-ист-ый, йод-ист-ый; смол-ян-ой, лед-ян-ой, нефт-ян-ой, рж-ан-ой, торф-ян-ой, шерст-ян-ой*.

Выделение и характеристика морфов и морфем осуществляется на уровне словоформ и слов. При делении словоформ на значимые части учитываются многие факторы. Границы между морфами устанавливаются на основании сопоставления словоформ

- ✓ с другими словоформами, входящими в парадигму данного слова;
- ✓ со словоформами производящего слова;
- ✓ со словоформами других однокорневых слов.

Так, для того чтобы выделить значимые части в словоформе *позеленелый*, мы должны обратиться, во-первых, к словоформам *позеленелого, позеленелому, позеленелая, позеленелые..*, во-вторых, к словоформам *позеленеть, позеленею..*, в-третьих, к словоформам *зеленеть, зелень, зеленый..* И только сравнив данные словоформы, мы установим морфное строение интересующей нас словоформы — *по-зелен-е-л-ый*.

Формальные различия характерны не для всех морфем русского языка. Многие из них представлены в процессе слово- и формообразования только одним морфом. Не варьируются, например, корни имеющиеся в словоформах *абзац, вещь, деталь, кож-а, край, луч, муж, мяч, плеч-о, пыль, этаж*. Не видоизменяются аффиксы *вы-, до-, за-, по-, при-, у-, -изм-, -ист-* и др.

Морф и морфема — это важнейшие понятия, без учета которых невозможен анализ многих явлений в морфологии и словообразовании.

Вопросы, связанные с идентификацией (отождествлением) морфов, объединением их в одну морфему, сложны и часто решаются неоднозначно. Современная лингвистическая литература не свободна от расхождений при определении морфемного статуса многих значимых частей слова.

Классификация морфем

Все морфы и морфемы современного русского языка прежде всего разграничиваются в зависимости от их роли в словоформе и в слове. По этому признаку они делятся на **корневые и служебные, или аффиксальные.**

Корневые морфы и морфемы (корни) в составе словоформ и слов обладают следующими характеристиками.

Во-первых, они всегда материально выражены и обязательны: в русском языке практически нет ни одного слова и ни одной словоформы без корня (исключение — формы личных местоимений 3-го лица мн. ч. *о-их, о-им, о-ими*; ср.: *j-эго, с н-ею* и др.).

Во-вторых, корни являются носителями основных элементов лексического значения. В словоформах непроеводных слов они выражают это значение самостоятельно: *звезд-а, меж-а, капл-я, крупн-ый, нес-ти, тр-и, ст-о*. В словоформах производных слов значение корневого морфа дополняется значением одного или нескольких аффиксальных морфов.

С помощью корневых морфем выражается общий семантический компонент лексического значения ряда родственных слов. Ср. слова *зим-а, зим-ушк-а, зим-н-ий, зим-ник, зим-ова-ть, зим-ов-щик, зим-ов-ищ-е, пере-зим-ова-ть*. Все производные слова данного ряда являются названиями лиц, предметов, действий и признаков по тому или иному их отношению к *зиме*. *Зимушка* — ‘уменьшительно-ласкательное к существительному *зима*’. *Зимний* — ‘относящийся к *зиме*’. *Зимник* — ‘дорога которой пользуются только *зимой*’ или ‘*зимняя* дорога’. *Зимовать* — ‘проводить где-либо *зиму*’. *Зимовщик* — ‘тот, кто остался где-нибудь *зимовать*’. *Зимовище* — ‘место, где *зимуют*’. *Перезимовать* — ‘провести *зиму* в каком-нибудь месте’ или ‘закончить *зимовать*’.

Лексическая семантика всех перечисленных выше слов так или иначе связана со значением корневой морфемы, самостоятельно представленной в слове *зим-а*. Эта связь может быть прямой (непосредственной) — *зимушка* — *зима, зимний* — *зима, зимовать* — *зима*, или не прямой (опосредствованной) — *зимовщик* — *зимовать* — *зима; зимовище* — *зимовать* — *зима; перезимовать* — *зимо-*

вать — *зима*. В любом случае корень выполняет функции центральной морфемы, способной обеспечивать семантические связи между родственными словами.

Повторяемость в рядах родственных слов сочетается у корней с таким свойством, как **единичность** употребления. В русском языке можно встретить корни, которые выделяются в составе только одного какого-либо слова: *я*, *ма-дам*, *зебр-а*. Такие случаи редки, но возможность существования подобных корней принципиально важна для проведения границы между корневыми и аффиксальными морфами и морфемами.

Третий существенный признак корневых морфов и морфем — их способность употребляться в свободном и в связанном виде. Аффиксальные морфы в составе словоформы всегда связаны с другими морфами (*при-близ-а-л-и-сь*, *глуб-ин-а*, *деревен-ск-ие*). Свободными они не бывают. Лишь корневые морфы и морфемы могут характеризоваться как **свободные и связанные**.

Свободными считаются те корни, в составе которых есть хотя бы один морф, материально совпадающий с основой словоформы. Например: *теперь*, *надо*, *полз-ти*, *строк-а*, *желез-о*, *лопат-а*, *рубеж-о*, *чист-ый*, *мерз-л-а*, *жуй-о*.

Связанными называются корни, всегда сопровождаемые теми или иными аффиксами и никогда не совпадающие с основой словоформ: *при-бав-и-ть*, *у-бав-и-ть*, *над-бав-и-ть*, *об-у-ть*, *раз-у-ть*, *при-вык-а-ть*, *от-вык-а-ть*, *тур-изм*, *тур-ист*, *говяд-ин-а*, *говяж-ий*. Собственно говоря, их трудно назвать полноценными корнями. Не случайно А. А. Реформатский для обозначения связанных корней ввел термин **радиксоид** (лат. *radix* — ‘корень’ и греч. *oid* — ‘подобный’). Повторяемость в ряде слов — обязательное свойство связанных корней (*вой-н-а*, *вой-енн-ый*, *вой-ева-ть*, *дикт-ант*, *дикт-ова-ть*, *дикт-ов-к-а*). Однако некоторые из них имеют уникальный характер и встречаются только в сочетании лишь с одним аффиксом — *бруси-ик-а*. Подобных корней в русском языке немного. Специалистам они известны под названием **унирадиксоиды**.

Разнообразие признаков и свойств корневых морфов и морфем учитывается при их научном определении. Опираясь на основные характеристики корней, мы выделяем их

как обязательные, всегда материально выраженные, свободные или связанные структурные части словоформ и слов, в которых заключается основной элемент лексического значения слова.

Аффиксальные морфы и морфемы, в отличие от корневых, факультативны. Их присутствие или отсутствие в структуре словоформы зависит от того, какое слово данная словоформа представляет в речевом потоке — изменяемое или неизменяемое, производное или непроизводное. Аффиксальные морфы всегда выделяются в словоформах производных слов любой (как изменяемой, так и неизменяемой) части речи. Например: *люб-и-тель, о-дар-енн-ый, за-кру-ж-и-ть, весел-о, сем-ер-о, не-котор-ый, по-зад-и, бес-спор-н-о*. Что же касается словоформ непроизводных слов, то в их структуре аффиксальные морфы можно выделить только в том случае, если они представляют в речевом потоке слова изменяемые — *правд-а, больш-ой, ши-ть, легк-ий, болот-о*. Словоформы неизменяемых непроизводных слов обычно содержат в себе только один корневой морф — *на, или, там, от, до, едва, здесь*.

Значения, выражаемые аффиксальными морфами и морфемами, необходимы для лексического и грамматического оформления многих словоформ и слов русского языка, но самостоятельно в процессе функционирования они участвовать не могут. Только в сочетании с корневыми морфами и морфемами они обретают форму выражения и реализуют свое содержание⁶.

Значения, носителями которых являются аффиксальные морфы и морфемы, относятся к различным языковым сферам. Основные области их распределения — лексическая и грамматическая семантика. Благодаря этому аффиксальные морфы и морфемы участвуют в процессе не только слово-, но и формопроизводства. И в зависимости от этого подразделяются на **словообразовательные и словоизменительные** (формообразующие). Назначение пер-

⁶ Иногда аффиксальные морфы могут употребляться самостоятельно: слово “вещизм” очень быстро заняло свое место в ряду всевозможных “измов”. Однако в этих случаях аффиксы, видимо, перестают быть аффиксами. Они лексикализуются и переходят в разряд корневых морфов и морфем.

вых — быть средством формирования слов (*фельетон — фельетон-ист; шить — с-шить — сии-ва(ть); цемент — цемент-н(ый); характер — бес-характер-н(ый); ясный — у-ясн-и(ть)*); вторые же используются для образования форм слова (словоформ) или их различения (*берез-а, берез-ы, берез-е, берез-ам, берез-ами, берез-ах*).

И словообразовательные, и словоизменительные аффиксы, как правило, повторяются в больших рядах слов и словоформ — *ходь-б-а, стрель-б-а, кось-б-а, паль-б-а; от-крыть, от-бить, от-мыть, от-купорить; вод-ой, трав-ой, голов-ой, жен-ой, рук-ой, газет-ой, книг-ой*). Эту особенность аффиксальных морфов отмечал еще Ф. Ф. Фортунатов.

Исключением из этого правила являются уникальные части словоформ, выступающие в роли аффиксальных морфов: *поп-адь-я, бив-ень, мет-ель*. В лингвистической литературе для их обозначения чаще всего используется термин **унификс**, реже — **нерегулярный аффикс**.

Унификсы — это особый вид единичных сегментов. Основной их признак — отсутствие воспроизводимой модели. Они входят в состав отдельных, нетипичных по своей структуре слов, но новые слова с их помощью не образуются. Обычно унификсы занимают позицию суффиксального морфа (*бел-ёс-ый, мач-ех-а, опер-етт-а*), но иногда их можно встретить и в позиции префиксального морфа (*кур-нос-ый, ра-дуг-а*).

Уникальный характер морфа — свойство, которое может утрачиваться. В процессе развития языка возможен переход унификсов в разряд обычных аффиксов. Это происходит в том случае, если они начинают использоваться для создания новых слов (*космо-дром, ракето-дром, вело-дром, теле-визор, стерео-визор*).

Существенной характеристикой аффиксов является необязательность их материального выражения. Ряд аффиксальных морфов (флексийных, суффиксальных, интерфиксальных) обнаруживает свое присутствие в словоформах только на уровне значения. Для их обозначения в современной лингвистике используется понятие **нулевой морфемы**, которую принято обозначать знаком **ø**.

Формообразовательные нулевые аффиксы (окончания и глагольный суффикс, участвующий в образовании форм мужского рода прошедшего времени) выделяются в составе словоформ, образующих парадигму слова. Обычно словоформы отличаются друг от друга аффиксами, которые используются как средство выражения определенных грамматических значений. Но у отдельных словоформ такой аффикс может отсутствовать. Его отсутствие (или нулевое присутствие) и играет значимую роль: *стен-^а*, *стен-^ы*, *стен-^е*, *стен-^о*, *стен-^{ам}*; *сад-^о*, *сад-^а*, *сад-^у*, *сад-^{ом}*; *звенел-^о*, *звенел-^а*, *звенел-^о*, *звенел-^и*; *вёз-^о*, *вез-^л-^а*, *вез-^л-^о*, *вез-^л-^и*.

Нулевые словообразовательные аффиксы (суффиксы и интерфиксы) выделяют в производных словах типа *подогрев-^о-^о* (*подогревать*), *похвал-^о-^а* (*похвалить*), *запись-^о-^о* (*записать*), *ширококрыл-^о-ый* (*широкие крылья*), *восемьдесят-^о-ый* (*восемьдесят*), *плащ-^о-палатка*, *пресс-^о-конференция* и др.

Выделение нулевых словообразовательных морфов в структуре словоформ подобных производных слов возможно только в языковой системе при сопоставлении их со словоформами других производных слов, где то же словообразовательное значение имеет соответствующее материальное выражение. Ср.: *синий* — *синь-^о-^о* (значение 'опредмеченного признака' материально не оформлено) и *желтый* — *желт-изн-^а*, *темный* — *темн-от-^а* (носителями значения 'опредмеченного признака' являются суффиксальные морфы *-от-* и *-изн-*).

Понятие нулевых морфов и морфем, используемое в словообразовании, играет вспомогательную роль. Оно применяется, чтобы придать описанию словообразовательных фактов большую стройность и последовательность.

Суммируя все вышеизложенное, мы можем дать следующее определение аффиксальных морфов и морфем. Это регулярно повторяющиеся, факультативные, не всегда материально оформленные структурные части словоформ и слов, связанные с выражением словообразовательных и грамматических значений.

По месту, которое занимают аффиксальные морфы и морфемы в составе словоформы (слова) по отношению к

корню, а также к другим аффиксам, они делятся на **префиксы (приставки), суффиксы, флексии (окончания), постфиксы и интерфиксы.**

Префиксы предшествуют корню и являются начальной частью слова: *а-симметричный, антихудожественный, вз-бежать, вы-грузить, дезориентировать*. Все префиксы русского языка — это словообразовательные аффиксы. Присоединение префикса к слову формирует новое слово и новую основу. В русском языке насчитывается свыше семидесяти префиксов, причем основная часть их участвует в глагольном словообразовании.

Суффиксы в словоформах и словах занимают позицию после корня: *алфавит-н-ый, анализ-ирова-ть, бархатист-ый, верш-ин-а, документ-альн-ый, музык-ант, продава-ть, развед-ка-а*. Если в словоформе (слове) несколько суффиксов, то они следуют друг за другом: *велич-еств-енн-ый, вод-ян-ист-ость, групп-иров-ка, зажиг-а-тельн-ый, зачерств-е-л-ый, масштаб-н-ость, рифм-ов-ка-а*. Основная часть суффиксов — это словообразовательные средства языка. Но некоторые группы суффиксов выполняют формообразующие функции и относятся к словоизменительным аффиксам. Это суффиксы сравнительной степени имен прилагательных и наречий на *-о* (*-ее/-ей, -е, -ше*), глагольные суффиксы инфинитива и прошедшего времени (*-ть/-ти, -чь, -л*), суффиксы причастий (*-ущ/-ющ-, -ащ/-ящ-, -вш/-ш-, -ом/-ем-, -им-, -нн/-енн-, -т-*) и суффиксы деепричастий (*-а/-я, -в/-вши/-ши*).

Суффиксы составляют самую многочисленную группу среди аффиксальных морфов и морфем. У каждой знаменательной части речи представлены свои особые суффиксы, отношения между которыми определяются характером выражаемого ими значения. Однако самое большое количество суффиксов используется при образовании имен существительных.

Флексии (окончания) в составе словоформ следуют либо за корневым (при отсутствии в составе словоформ суффиксов), либо за суффиксальным морфом: *синиц-а, синиц-ы, дн-о, дн-а, туман-н-ый, туман-н-ое, пойм-у, пойм-ут, камен-еј-эт, крик-н-ут*. Флексии выделяются обычно

только в словоформах изменяемых слов, являясь, как правило, их конечной частью. Они образуют основную группу словоизменительных аффиксов. Если словоформа в составе предложения или словосочетания является зависимой, ее флексия служит показателем синтаксической связи. В составе словоформы может быть только одна флексия⁷.

Постфиксы располагаются после флексийных морфов и являются замыкающей частью словоформы: *сохранивший-ся, расстаю-сь, скрывает-ся, кого-то, чья-либо, строй-те, пойдём-те*. В некоторых случаях постфиксы могут следовать и друг за другом: *постарай-те-сь, посели-те-сь, взгляди-те-сь*.

Постфиксов в русском языке немного. Это глагольный словообразовательный постфикс *-ся/-сь*⁸, местоименные постфиксы *-то, -либо, -нибудь* и словоизменительный глагольный постфикс *-те*.

Постфиксы свободно прикрепляются к производящей базе, не вызывая при этом изменений в ее фонемном составе. Они не срastaются с другими морфами и свободно вычленяются как в производных, так и в непроизводных словах (*боять-ся, старать-ся, внедрять-ся, усложнять-ся*).

Интерфиксы представляют собой аффиксальные морфы соединительного типа. Они встречаются только в сложных словах и находятся между частями тех слов, на базе которых они сформировались. В роли соединительных средств часто используются интерфиксы *-о-, -е-,* реже — *-и-, -у-, -ух-, -ех-, -а-: желез-о-бетон, мир-о-воззрение, жизн-е-радостный, дв-у-язычие, пят-и-борец, тр-ёх-летие, дв-ух-этажный, сорок-а-минутный*.

Интерфиксальные морфы и морфемы участвуют в образовании сложных слов, скрепляя в единое целое основы

⁷ Другой точки зрения придерживается И. Г. Милославский: "...В русском слове может быть 0, 1, 2, 3, а при некоторых допущениях даже 4 флексии" (Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981. С. 16).

⁸ В структуре непроизводных глаголов (*бояться, каяться, казаться, карабкаться, смеяться...*) постфикс *-ся* утрачивает свою словообразовательную функцию и выступает как грамматический показатель непереходности.

двух слов. Следовательно, они относятся к группе словообразовательных аффиксов русского языка.

Место, занимаемое морфом в словоформе, является его существенной характеристикой. Местоположением морфов предопределяются их словообразовательные возможности и характер производящей базы, к которой они присоединяются. Одна из классификаций способов русского словообразования основывается на характере аффиксов, непосредственно участвующих в процессе образования производных слов.

Между корневыми и аффиксальными морфами и морфемами современного русского языка располагается целая группа морфем промежуточного типа, соединяющих в себе как признаки корня, так и признаки аффикса. Подобные морфемы в последнее время чаще всего именуют **аффиксоидами**. Проблема аффиксоидов обычно возникает при анализе и характеристике структурных частей сложных слов.

Словообразовательное описание сложных слов выявляет в некоторых из них наличие таких начальных или конечных частей, которые повторяются во многих словах и имеют в них одно и то же значение. В результате образуются ряды сложных слов, соотносительных по своим словообразовательным признакам. Например, *полу-автомат, полу-бак, полу-бархат, полу-бог, полу-вагон, полу-тень, полу-тон, полу-фабрикат, полу-шаг, полу-шепот; бензовоз, угле-воз, молоко-воз, бомбо-воз, лесо-воз, зерно-воз; груше-видн-ый, змее-видн-ый, крыло-видн-ый, капле-видн-ый, пыле-видн-ый, корне-видн-ый, шпиле-видн-ый, сабле-видн-ый*. От того, как понимаются элементы, подобные *полу-, -воз, -видн(ый)*, как корневые или как аффиксальные морфемы, зависит словообразовательная оценка слова и его место в разрядах слов (сложных или простых). Если же они являются морфемами промежуточного типа, то следует, видимо, показать, какие признаки аффиксальных и корневых морфем объединяются на их уровне.

Каждый из выделенных нами элементов — *полу-, -воз, -видн(ый)*, подобно аффиксам, демонстрирует один и тот же тип семантического отношения к другому компоненту сложного слова. На уровне этих элементов проявляются

типизированные словообразовательные отношения, благодаря им образуются многочисленные и открытые ряды слов с одинаковым формально-семантическим строением. Все это приближает их к аффиксам. В то же время собственное содержание данных элементов, для выражения которых они вводятся в состав производных слов, опирается на значение имеющихся в языке полнозначных слов (*пол-у* — *половина*, *-воз* — *возить*, *-вид-н(ый)* — *вид*). Этим элементы типа *полу-*, *-воз*, *-видн(ый)* отличаются от аффиксов. Значение аффикса никогда не опирается на значение полнозначного слова, имеющего с аффиксом формальную близость. Это характерно только для корневых морфем.

За пределами классификации морфов и морфем остаются так называемые **асемантические элементы слова**. Они выделяются в структуре слова или словоформы формально — при сопоставлении с другими родственными словами, — но никакого значения эти элементы, в отличие от морфем, не имеют. Ср.: непроизводные слова *пал-ец* (*бес-пал-ый*), *прос-и-ть* (*прось-б-а*, *прош-ени-э*), где отрезки *-ец* и *-и-* не участвуют в формировании лексической семантики, и производные — *мороз-ец* (от *мороз*, суффикс *-ец* имеет уменьшительно-ласкательное значение), *бел-и-ть* (от *белый*, суффикс *-и-* имеет значение ‘делать такого цвета, какой назван производящей основой’).

Подобные элементы в лингвистической литературе называются по-разному: **асемантические морфемы**, **асемантемы**, **структемы**. В морфонологии такие единицы именуются **субморфами**. Чаще всего они являются “реликтами” прежнего морфемного строения слов. В ряд асемантем нередко переходят десемантизированные префиксальные или суффиксальные морфемы. Выделение их в большинстве случаев возможно лишь при использовании диахронических методов, а именно: при этимологическом анализе формальных и семантических связей слов: *воз-раст* (*расти*), *втор-ник* (*второй день недели*).

Диахроническое “происхождение” многих асемантем не препятствуют их изучению в системе синхронного словообразования. Практически все они отражают живые морфонологические позиции в строении слов. Формально совпадая с аффиксальными морфемами, асемантемы при образо-

вании новых слов ведут себя так же, как значимые единицы — морфы. Ср.: *красив(ый)* — *красав-ец* — *красавч-ик* и *пал-ец* — *пальч-ик*. И в первом, и во втором случае мы наблюдаем одни и те же морфонологические чередования перед суффиксом *-ик*: *е//о, ц//ч*.

Кроме того, значительное количество асемантем появляется в результате синхронного чересступенчатого словообразования, при котором нарушается постепенность при соединения аффиксальных морфов. Ср.:

трактор → *трактор-ист* → *трактор-ист-ка*

и *мода* → *х* → *мод-ист-ка*;

врач → *врач-ева-ть* → *врач-ева-ниј-э*

и *дождь* → *х* → *дожд-ева-ниј-э*.

При чересступенчатом словообразовании упрощаются семантические отношения между производными и производящими словами, но усложняются формальные. В структуре производных слов появляются синхронно десемантизированные элементы. Эти элементы и пополняют ряды асемантем, которые в составе слова значимы лишь морфонологически.

Морфы и морфемы, с одной стороны, и асемантемы, с другой, существуют в языке как различные единицы.

Морфы и морфемы — это значимые элементы словоформ и слов, выполняющие либо смысловые, либо грамматические функции.

Асемантемы — это незначимые элементы словоформ и слов, необходимые для их структурного (морфонологического) оформления.

Основа слова и основа словоформы. Словообразование и словоизменение

Словообразование и словоизменение представляют собой разные области языкознания и нуждаются в строгом разграничении. Продукт словообразования — производное слово. Продукт словоизменения — форма слова. Без дифференциации данных единиц нельзя понять специфики ни словообразования, ни словоизменения.

Для словоизменения чрезвычайно важно существование соотношения “ряд словоформ — парадигма слова”. Многие слова, как известно, грамматически видоизменя-

ются и состоят из определенной совокупности словоформ (*картин-а, картин-ы, картин-е, картин-у, картин-ой, картин-е*). Сопоставляя словоформы одного и того же слова, мы видим, что в каждой словоформе есть постоянная и переменная части. Ср.:

<i>серьезн-ая</i>	<i>дума-ть</i>	<i>слов-о</i>
<i>серьезн-ое</i>	<i>дума-л</i>	<i>слов-а</i>
<i>серьезн-ый</i>	<i>дума-ви-ий</i>	<i>слов-у</i>
<i>серьёзн-ого</i>	<i>думај-а</i>	<i>слов-о</i>
<i>серьезн-ому</i>	<i>думај-у</i>	<i>слов-ом</i>
<i>серьезн-ым</i>	<i>думај-эт</i>	<i>слов-е</i>

В постоянной части словоформ заключается основное лексическое значение, объединяющее их в одно слово — лексему. Переменная часть словоформ связана с выражением различных грамматических значений и представлена существующими в языковой системе словоизменительными аффиксами.

Основой словоформы, по мнению большинства исследователей, является ее постоянная часть без словоизменительных аффиксов, содержащая в себе компоненты лексической семантики. Это конкретная линейная единица, вычленяемая в речевом потоке: *весел-ым зимн-им солнышк-ом дорог-а зали-та...*

Выделяется она в результате сопоставления различных словоформ одного и того же слова и отсечения словоизменительных аффиксов (флексий, словоизменительных суффиксов, постфикса *-те*).

Основы всех словоформ слова выполняют одну и ту же функцию и в своей совокупности образуют обобщенную (нелинейную) единицу, которая обозначается уже особым термином — **основа слова**.

Так, основа имени существительного *роза* состоит из 12 основ словоформ (*роз-а, роз-ы, роз'-е, роз-у, роз-ой, роз'-е, роз-ы, роз-о, роз-ам, роз-ы, роз-ами, роз-ах*), основа имени прилагательного *ясный* представлена 29 основами словоформ (*ясн-ый, ясн-ого, ясн-ому, ясн-ый (-ого), ясн-ым, ясн-ом... + 6 основ словоформ женского рода — ясн-ая, ясн-ой... + 6 основ словоформ среднего рода — ясн-ое, ясн-ого... + 6 основ словоформ множественного числа — ясн-ые, ясн-ых, ясн-ым... + основы кратких форм и компаратива — ясн-о,*

ясн-а, ясн-о, ясн-ы, ясн'-е). В основу любого глагольного слова входят основы всех соответствующих словоформ, использующихся для выражения грамматических значений повелительного, сослагательного и изъявительного наклонений, прошедшего, настоящего и будущего времени, 1-го, 2-го и 3-го лица ед. и мн. числа, а также основы словоформ всех причастий и деепричастий, образующихся от данного глагола (*очарова-ть, очаруј-у, очаруј-шь.., очарова-л, очарова-ла, очарова-ло.., очаруй, очаруй-те, очарова-ла (бы), очарова-вший, очарова-нный, очарова-в*).

Таким образом, основа слова представляет собой совокупность сходных по фонемному составу основ словоформ, входящих в парадигму данного слова. Основа слова выполняет организующую роль: она материально объединяет все формы слова и обеспечивает их семантическое тождество.

Основы словоформ одного и того же слова имеют одинаковый или незначительно отличающийся фонемный состав. При фонематическом тождестве основ всех словоформ основа слова может быть представлена только одной своей разновидностью. Ср.: *луч-ø, луч-а, луч-у, луч-ø, луч-ом, луч-е, луч-и, луч-ей, луч-ам, луч-и, луч-ами, луч-ах* — *луч-*. При незначительном фонематическом различии основ словоформ в пределах основы слова объединяются несколько вариантов. Основа слова *кошка* состоит из 12 основ словоформ — *кошк-а, кошк'-и, кошк'-е, кошк-у, кошк-ой, кошк'-е, кошк'-и, кошек-ø, кошк-ам, кошек-ø, кошк-ами, кошк-ах*. 6 из них имеют одинаковый фонемный состав и представляют основу слова *кошка* как *кошк-*, но в других 6 словоформах основа имеет другое фонематическое оформление — *кошк'-* и *кошек-*. Следовательно, среди 12 основ словоформ, входящих в основу слова *кошка*, мы можем выделить три фонематических варианта — *кошк-/кошк'-/кошек-*. Среди общего количества основ словоформ (29), представляющих в речевом потоке основы прилагательных *трудный* и *крепкий*, мы также найдем несколько фонематических вариантов — *трудн-/труден-/трудн', крепк-/крепк'-/крепок-/крепч-*.

Характер варьирования основ словоформ находится в прямой зависимости от грамматических характеристик

слова, прежде всего от его общечастеречного значения. Существенно различаются по своему строению именные и глагольные основы. Основы словоформ существительных и прилагательных обычно оканчиваются на согласную фонему, поэтому варьирование в именных основах чаще всего вызывается чередованием по твердости/мягкости конечного согласного основы — *стекл-о, стекл-а, стекл-у.., (о) стекл'-е; близк'-ий, близк-ого, близк-ому.., близк'-им, (о) близк-ом.*

Мягкий и твердый вариант основы — явление, наиболее распространенное среди именных основ. Но иногда рядом с мягкой и твердой разновидностями основ словоформ в пределах основы слова встречаются варианты, появление которых обусловлено историческими чередованиями гласных внутри корневых (или суффиксальных) морфем — *опытн-ый — опытн'-ее — опытен-о; доск-а, доск'-и.., досок-о; борец-о, борц-а, борц-у...* У некоторых имен существительных противопоставляются основы словоформ единственного и основы словоформ множественного числа — *господин-о — господ-а, лисенок-о — лисят-а, сын-о — сынов'-а.* В словоформах, использующихся для выражения грамматического значения множественного числа, представлен фонематически измененный вариант основы. Формальное варьирование характерно для многих именных основ. Однако обязательным и регулярным его назвать нельзя, поэтому никакого влияния на классификацию именного словоизменения оно не оказывает.

У глаголов, в отличие от имен, варьирование основы имеет регулярный характер. Каждый глагол в русском языке имеет основу настоящего/будущего простого и основу прошедшего времени. Основа настоящего времени может совпадать с основой прошедшего времени (*запас-ти — запас-ут — запас-ла*), но чаще всего они различаются конечным звуком: основа прошедшего времени обычно оканчивается на гласную фонему: *рассужда-ть — рассужда-ла, советова-ть — советова-ла, отдохну-ть — отдохну-ла, повери-ть — повери-ла.* Основа настоящего/будущего простого времени, как правило, завершается согласной фонемой: *рассужда-й-ут, советуй-ут, отдохн-ут, повер'-ат.* При несовпадении основы прошедшего времени с основой ин-

финитива к двум постоянным вариантам глагольной основы добавляется третий: *мерзну-ть* — *мёрзн-ут* — *мерз-ла, брес-ти* — *бред-ут* — *бре-ла, замере-ть* — *замр-ут* — *замер-ла*. Регулярный характер варьирования глагольных основ непосредственно отражается в особенностях глагольного словоизменения. В зависимости от соотношения основ настоящего/будущего простого и прошедшего времени/инфинитива все глаголы современного русского языка распределяются по словоизменительным типам.

Выделение основы слова — это констатация того, что реально представлено в формообразовании. Основа выступает в роли главного элемента формообразования, ибо она связывает в единое целое — слово — определенную совокупность словоформ по самому существенному признаку — общему лексическому значению. Словоформы являются материальным средством выражения лексической и грамматической семантики, которую несет в себе слово. Словоформы обладают известной автономностью, им присуще свойство синтаксической самостоятельности и отдельности.

Характеризуя слово в словообразовании, нельзя забывать, что как единица языка оно “всегда выводится из совокупности разных форм данной единицы языка как их единство”⁹. Словообразовательные связи и отношения между словами представлены в языке как связи и отношения между их словоформами. В то же время слова в словообразовании оказываются связанными между собой на уровне их лексического значения и фонемного состава. Каждая словоформа словообразовательно связанных слов является носителем этой связи. Так, словоформы *приморский, приморского, приморскому, приморские..*, входящие в парадигму производного слова *приморский*, связаны отношениями производности со словоформами *море, моря, морю, морем* и др., которые принадлежат парадигме производящего слова *море*. Всем словоформам производного слова присуще свойство словообразовательной производности. Каждая из них словообразовательно характеризуется одинаково по отношению к словоформам производящего слова. Благодаря этому словообразовательное описание

⁹ Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967. С. 250.

слова можно вести на базе какой-либо одной конкретной его словоформы. Анализируя словообразовательные связи слов, удобнее всего, конечно, оперировать **исходной словоформой**, той словоформой, которая представляет слово в целом в словарях: *ускори(ть)* — *ускори-тель*, *ландыш* — *ландыш-ев(ый)*. Иногда, правда, для уяснения характера формальных отношений основ словообразовательно связанных слов необходимо привлечение и некоторых других словоформ: *мель-ниц(а)* — *моло-ть*, *мел'-ут*; *скреб-ок* — *скрес-ти*, *скреб-у*.

Осмысление того, что слово существует в языке как система форм, служит достаточно надежным основанием для отделения словообразования от словоизменения. Граница между словообразованием и словоизменением (формообразованием) устанавливается в соответствии с разграничением словоформ, образующих одну парадигму, и словоформ, входящих в разные парадигмы. Рассмотрим словоформы *вздрагнет*, *вздрогнут* и *вздрагивает*. Первые две входят в состав одной парадигмы (*вздрогнуть*, *вздрогнул*, *вздрогну*, *вздрогнешь*, *вздрогнут*, *вздрогни...*). Третья же (*вздрагивает*) взята из другой совокупности словоформ (*вздрагивать*, *вздрагивал*, *вздрагиваю*, *вздрагиваешь*, *вздрагивай...*). *Вздрагнет* и *вздрогнут* соотносятся между собой как формы одного и того же слова и не могут быть связаны словообразовательно. Различия между ними и словоформой *вздрагивает* касаются в большей степени грамматической семантики (разные видовые значения), нежели лексической. Но характер изменения этой грамматической семантики таков, что приводит к образованию новой системы словоформ. Благодаря этому глаголы, отличающиеся друг от друга только видовым значением (*вздрогнуть* — *вздрагивать*, *уловить* — *улавливать*, *осветить* — *освещать*), относятся все-таки к разным лексемам. А связи и отношения между ними характеризуются как **словообразовательные**.

Выделение таких структурных элементов, как основа слова и основы словоформы, одинаково важно как для словоизменения, так и для словообразования. Словообразовательно связанные слова отличаются определенной семантической и формальной общностью. Показателем этой

общности прежде всего является основа слова. Она объединяет и организует лексически и структурно тождественные основы словоформ. Последние выступают при этом как реальные носители не только лексических, но и словообразовательных значений. Строение их находится в прямой зависимости от таких словообразовательных и структурно важных характеристик слова, как производность/непроизводность, последовательность расположения морфов, их количественный и качественный состав. Ср.: *цвет-ø* — *цветаст-ый*, *земл-я* — *приземли-ть-ся*, *рыб-а* — *рыболов-ø*, *бег-а-ть* — *бегун-ø*. Основы словоформ непроизводных слов (или, как их называют, **непроизводные основы**) семантически и структурно просты. Обычно они совпадают с корневым морфом (*слив-а*, *глаз-ø*, *гре-ть*, *шоколад-ø*, *желт-ый*), иногда в их структуре можно выделить асемантические элементы (*уч-и-ть*, *бег-а-ть*, *крас-и-ть*). Значение, носителями которого являются основы словоформ непроизводных слов, относится к области лексической семантики, и главная его черта — немотивированность наименования.

Основы словоформ производных слов (соответственно их называют **производные основы**) формально и семантически сложнее. Корневые морфы в них соединяются со словообразовательными аффиксами — *пере-плет-чик*, *серебр-ян-ый*, *раз-би-ть*, *о-добр-и-ть*. При этом лексическое значение корней тесно переплетается со словообразовательными значениями аффиксов и формируется общая семантика основ, мотивированная по своему характеру и содержанию.

Большинство основ словоформ производных и непроизводных слов состоит из одного или нескольких следующих друг за другом морфов — *общ-ий* — *раз-общ-и-ть*, *раз-общ-енн-ость-ø*. Естественным и закономерным при этом является непрерывный характер их звукового оформления. Однако в некоторых случаях он утрачивается. Происходит это тогда, когда словоизменятельные аффиксы располагаются не в абсолютном конце словоформы, а среди морфов, участвующих в формировании основы. Ср.: *гну-ть* — *гну-ть-ся*, *запек-ла* — *запек-ло-сь*, *колебл-ет* — *колебл-ет-ся*. Основы словоформ *гну-ть*, *запек-ла* и *колебл-ет* представля-

ют собой **сплошную** звуковую последовательность, ибо, выделяя их, мы отсекаем словоизменительные аффиксы, находящиеся в абсолютном конце словоформы. Иначе оформлены основы словоформ *гну-ть-ся*, *запек-ло-сь*, *колебл-ет-ся* (*гну-...-ся*, *запек-...-сь*, *колебл-...-ся*). Их фонетическая оболочка разрушена, поскольку словоизменительные аффиксы выделяются внутри значимых компонентов основы. Проводя грань между словоизменительными элементами и элементами, принадлежащими основе, мы в данном случае получаем основы словоформ, разделенные на части и существующие в виде **прерывистой** последовательности фонем. Не случайно поэтому подобные основы называются **прерывистыми** (или **прерванными**).

Прерывистая основа — особый вид основы русских слов. Она встречается нечасто и лишь у тех слов, в структуре которых выделяются постфиксальные морфы со словообразовательным значением. Постфикс как бы сигнализирует о прерывистом характере основы. В русском языке такие основы имеют возвратные глаголы и некоторые производные местоимения с постфиксами *-то*, *-либо*, *-нибудь*: *кт-о-то*, *как-ого-либо*, *чь-ему-нибудь*, *к-ем-либо*.

Рядом с производными/непроизводными и прерывистыми основами можно выделить еще один интересный тип основ — **супплетивные основы**. Так называются основы словоформ отдельных слов, не имеющие материальной общности, но выражающие тождественное лексическое значение (*ид-ти*, *ид-у*, *ше-л*, *ш-ла*, *шед-ший*; *мы*, *н-ас*, *н-ам...*). Обычно варьирование основ словоформ в пределах основы слова происходит в условиях сохранения абсолютного семантического и относительного фонетического тождества (*зна-ть*, *знай-ут*, *зна-ла*; *страшн-ый*, *страшн-ого*, *страшн'-ее*, *страшен-ø*). Однако в некоторых случаях эти условия нарушаются. Иногда в процессе варьирования материальная оболочка основ словоформ видоизменяется полностью (*человек-ø*, *человек-а*, *человек-у..*, *люд'-и*, *люд'-ей*, *люд'-ям*; *он*, *j-эго*, *j-эму...*). Они утрачивают формальную близость, но все-таки объединяются в основе одного и того же слова. Их удерживает там общее семантическое содержание.

Супплетивизм основ может быть **полным** и **частичным**.

Полный супплетивизм основ наблюдается при разном звуковом оформлении корневых морфов словоформ (*ребенок-ø*, *ребенок-а*, *ребенок-у..*, *дет'-и*, *дет'-ей*, *дет'-ям*). Он полностью изменяет фонетический облик основ словоформ одного и того же слова.

Частичный супплетивизм основ проявляется при наличии в словоформах супплетивных аффиксальных морфов типа *-ова-/-уж-*, *-онок-/-ат-* (*диктова-ла* — *диктуя-т*, *цыпленок-ø* — *цыплят-а*). Он влияет на форму выражения основ словоформ, но не лишает их определенной звуковой близости.

При полном и частичном супплетивизме основ словоформ сохраняется единство основы слова как обобщенной языковой единицы, ослабляется только ее организующая роль.

Такие характеристики, как прерывистость и супплетивность, свойственны не очень большому кругу основ словоформ (соответственно и основ слов). Зато любая основа (и слова, и словоформы) может быть охарактеризована с точки зрения производности/непроизводности, так как все слова в русском языке определяются либо как производные, либо как непроизводные. Постоянные характеристики слов сохраняются и на уровне их важнейших структурных элементов — основ. Такая же картина наблюдается и при определении основ слов (словоформ) в зависимости от членности их на структурные части.

Каждое слово в русском языке может быть представлено как членимое, состоящее из нескольких структурных частей, и как нечленимое, ср.: *стар-ик-ø*, *баян-ист-ø*, *бархат-н-ый* и *тих-ий*, *ду-ть*, *через*, *гор-а*. Так же может быть охарактеризована каждая основа. В зависимости от количества морфов, включенных в основу, выделяются основы **членимые** и основы **нечленимые**.

Членимые основы — это основы, содержащие более одного морфа. **Нечленимые** основы — это основы, состоящие из одного морфа (как правило, корневого). Ср.: *мир-ø*, *крут-ой*, *жг-ут*, *весел-ый*, *горл-о* и *не-обяза-тельн-ость-ø*, *воздуш-н-ый*, *о-камен-е-ть*, *об-рад-ова-ть*.

Понятие членимости/нечленимости основ, на первый взгляд, совпадает с понятием производности/непроизводности. Естественно поэтому предположить: членимые основы — это производные основы: они представлены цепочкой морфов, расположенных в определенной последовательности и выполняющих различные функции.

Нечленимые основы соответственно должны определяться как непроизводные — ведь в их структуре нет других морфов, кроме обязательного корневого. Однако это не так. Рассмотрим слова *лежать* и *раздеть*. С точки зрения синхронного словообразования эти слова непроизводны. Непроизводны и их основы: *лежа-ть*, *разде-ть*. Тем не менее, в их структуре мы можем выделить две части: *леж-а-ть* (ср.: *леж-к-а*), *раз-де-ть* (ср.: *о-де-ть*), т. е. они членимы. Следовательно, понятие членимости шире понятия производности. Каждая производная основа действительно членима, но не каждая членимая основа производна.

Характеристика системы синхронного словообразования

Система синхронного словообразования — сложная организация, которая характеризуется следующими признаками: иерархичностью, структурностью, функциональностью и способностью к развитию.

Простейшая элементарная единица системы синхронного словообразования — производное слово. Эта простейшая элементарная единица входит в более сложные комплексные единицы словообразовательной системы — словообразовательную пару, словообразовательную цепочку, словообразовательную парадигму, словообразовательное гнездо, словообразовательный тип, словообразовательную категорию.

Словообразовательная производность. Направление словообразовательной производности

Словообразовательная производность (или мотивация) — это центральное понятие синхронного словообразования. Оно основывается “на формальной и семантической выводимости свойств производного из свойств исходных, или

производящих, единиц”¹⁰. Отношения словообразовательной производности устанавливаются между двумя одно-корневыми словами в тех случаях, когда значение одного из них определяется через значение другого. Ср. слова *колосок*, *колосистый*, *колосистость*, *колоситься*, *колошение*, *заколоситься*. Все они имеют один и тот же корень *колос-*, но отношениями словообразовательной производности связываются *колосок* и *колос* (*колосок* — это ‘маленький *колос*’); *колосистый* и *колосистость* (*колосистость* ‘свойство или признак *колосистого*’); *колоситься* и *колошение* (*колошение* — ‘действие по глаголу *колоситься*’), *колоситься* и *заколоситься* (*заколоситься* — ‘начать *колоситься*’); *колос* и *колосистый* (*колосистый* — ‘имеющий густой *колос*’); *колос* и *колоситься* (*колоситься* — ‘давать *колос*’).

Выводимость одного слова из другого на семантическом и материальном уровнях — обязательное условие для возникновения отношений словообразовательной производности: *слушать* — *слушатель* ‘тот, кто *слушает* что-нибудь’; *правда* — *правдивый* ‘закрывающий в себе *правду*, стремящийся к *правде*’; *крикнуть* — *вскрикнуть* ‘внезапно и отрывисто *крикнуть*’. Если же слово оказывается связанным с другим словом только на каком-либо одном уровне — материальном или семантическом — отношений словообразовательной производности между ними не возникает. Например, глагол *гореть* ‘поддаваться действию огня, быть охваченным огнем’ словообразовательно не связан с именем существительным *гора* ‘значительная возвышенность, которая поднимается над окружающей местностью’), хотя совпадение звуковых оболочек здесь налицо — *гор-е-ть* — *гор-а*. Нет отношений словообразовательной производности и в парах *лето* — *лететь*, *колоть* — *колба*, *купить* — *купол*, *копить* — *копирка*. Не возникают они и при смысловом сближении разнокорневых слов, связанных между собой ассоциативно: *рубить* — *топор*, *резать* — *нож*, *стирать* — *гладить*, *шить* — *игла*.

Направление словообразовательной производности (мотивации) всегда устанавливается от производного (мотивированного) слова к производящему (мотивирующему). Зо-

¹⁰ Кубрякова Е. С. Словообразование // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 467.

лотовое правило синхронного словообразования — производное слово всегда “ищет” свое производящее, а не наоборот.

Большинство производных слов в современном русском языке имеет ясные мотивационные отношения. В паре однокорневых слов производным обычно признается слово, обладающее большей формальной и семантической сложностью. Его форма и содержание опираются на звучание и значение соответствующего производящего слова. Например: *драматург* (‘тот, кто пишет *драмы*’) ← *драма*; *асфальтировать* (‘покрывать *асфальтом*’) ← *асфальт*; *твердеть* (‘становиться *твердым*’) ← *твердый*.

Но иногда формальные и семантические признаки производного и производящего слов либо вступают в противоречие друг с другом, либо нейтрализуют друг друга. В русском языке существует несколько групп производных слов, имеющих особые отношения словообразовательной производности.

Так, в первой группе объединяются производные слова со значением, равным значению производящего. Ср.: *игла* — *иголка*, *рубаха* — *рубашка*, *тетрадь* — *тетрадка*. Производность их опирается только на один признак производных единиц — большую формальную сложность.

Вторая группа состоит из производных слов, равных производящим на уровне формы — *ботаник-а* — *ботаник-ø*, *переводчик-ø* — *переводчиц-а*. Материальные оболочки данных слов формально совпадают: в них выделяются практически одни и те же структурные части. Но семантическое содержание слов *переводчица* и *ботаник* дает основание считать их (и подобные им) производными: *переводчица* — ‘женщина-переводчик’; *ботаник* — ‘тот, кто занимается ботаникой или преподает ботанику’. Значение этих слов шире значения слов *переводчик* и *ботаника*. Оно включает в себя дополнительные семантические компоненты. Следовательно, слова *переводчица* и *ботаник* обладают таким признаком производных слов, как большая семантическая сложность, поэтому в парах *переводчик* — *переводчица*, *ботаника* — *ботаник* они признаются производными единицами.

К третьей группе относятся производные слова с более простой (по сравнению с производящими) формой и значе-

нием, равным значению производящих: *доктор* — *док*, *удовлетворительно* — *уд*, *фокстрот* — *фокс*, *специалист* — *спец*. Производными в данных парах слов считаются стилистически окрашенные единицы *док*, *уд*, *фокс*, *спец*.

И, наконец, в четвертую группу входят производные слова из словообразовательных пар типа “глагол — существительное, обозначающее действие по этому глаголу” или “прилагательное — существительное, обозначающее абстрактный признак”: *бегать* — *бег* ‘действие по глаголу *бегать*’, *зеленый* — *зелень* ‘признак, качество или свойство *зеленого*’. В таких словообразовательных парах независимо от формальной сложности производным всегда признается имя существительное. Почему? Значение действия и признака характерны для глагола и прилагательного (соответственно). Существительное, приобретая значение действия или признака, начинает обозначать опредмеченное действие или опредмеченный признак. Следовательно, семантика его оказывается шире семантики производящих глаголов и прилагательных. Этого, по мнению Л. Блумфилда, достаточно для того, чтобы подобные имена существительные считать производными словами. От своих производящих они отличаются большей семантической сложностью. Обычно отношения словообразовательной производности возникают между двумя однокорневыми словами. Но в некоторых случаях одно и то же слово может мотивироваться несколькими (двумя, реже тремя) словами: *обучение* — ‘действие по глаголу *обучать* или *обучить*’, *умываться* — ‘*умывать* себя’ или ‘несоверш. вид к глаголу *умыться*’. При этом производящие слова отличаются от производных одинаковым количеством словообразовательных средств. Такие мотивации называются **неединственными**.

Иногда при анализе отношений словообразовательной производности мы сталкиваемся с тем, что формально производное слово мотивируется одним производящим словом, а семантически — другим:

взятяжку		затяжка 'курить, затягиваясь'
каскадно		каскадный 'так, как на каскаде'

Формальная и семантическая производность данных слов опирается на разные лексические единицы. Разрушается обычное для производных слов единство формально-смысловых связей с производящими словами. Это явление встречается не так уж часто в современном русском языке. Оно охватывает лишь некоторые типы производных слов, выделенные и охарактеризованные Е. А. Земской и О. П. Ермаковой¹¹ как случаи расхождения формальной и семантической производности.

Словообразовательная пара. Производящая база. Словообразовательный формант. Словообразовательное значение

Словообразовательная пара — простейшая двухкомпонентная единица словообразовательной системы. Образуют ее два однокорневых слова, связанные между собой отношениями словообразовательной мотивации: *дрессировать* — *дрессировка* ('действие по глаголу *дрессировать*'); *цена* — *бесценный* ('не имеющий *цены*'); *холм* — *холмистый* ('имеющий *холмы*').

Сопоставляя компоненты словообразовательных пар, мы можем в каждой словообразовательной паре выделить общую для производного и производящего слова структурную часть. Она называется **производящей базой**. Это важнейший формально-семантический элемент, обеспечивающий материальное и смысловое единство компонентов словообразовательной пары.

Обычно в качестве производящей базы используется одна из основ словоформ (любой из вариантов основы) производящего слова: *слепнуть* — *слеп*(ой) + *ну*(ть); *синева* — *син*(ий) + *ев*(а); *подоконник* — *под* + *окон* + *ник*. Частое использование основ словоформ для образования производных слов привело к широкому распространению терми-

¹¹ Земская Е. А. Заметки по современному русскому словообразованию // Вопросы языкознания. 1965. № 3; Ермакова О. П. О некоторых закономерностях в расщеплении структурной и семантической мотивации производного слова // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд. 1972. С. 68.

на “производящая основа”. Иногда его употребляют даже вместо термина “производящая база”. Справедливо ли это? Нет. Понятие “производящая база” шире понятия “производящая основа”. В качестве производящей базы могут выступать не только основы словоформ, но и целые слова, словосочетания, сочетание нескольких основ, сочетание основы и слова, сокращенные части слов.

Ср.: *цвести* — *от* + *цвести* (целое слово), *глубоко уважаемый* — *глубокоуважаемый* (словосочетание); *свободолюбивый* — *свобод* + *о* + *люб* + *ив(ый)* (сочетание нескольких основ); *сухофрукты* — *сух* + *о* + *фрукт* + *ы* (сочетание основы слова и слова); *завлаб* — *заведующий лабораторией* (сочетание сокращенных частей слов).

Производящая база в производном слове соединяется со **словообразовательным формантом**. Эта структурная часть производного слова представляет собой наименьшее в формальном и семантическом отношении словообразовательное средство, которым производное слово отличается от производящего. Например: *производительн-ость* ← *производительн(ый)* + *-ость*; *медвеж-ий* ← *медведь(о)* + *-ий*; *синтезировать-ся* ← *синтезирова-ть* + *-ся*; *за-облачный* ← *за-* + *облак-(о)* + *н(ый)* (*за-...-н-*). Как и производящая база, словообразовательный формант выделяется при сопоставлении компонентов словообразовательной пары. Однако функция его иная. Если производящая база объединяет производное и производящее слова, то словообразовательный формант, наоборот, позволяет их разграничить как в формальном, так и в семантическом плане.

При выделении словообразовательного форманта в том или ином производном слове необходимо исходить из тех реальных отношений, которыми связаны между собой однокорневые слова. Так, существительные *говорунья*, *прыгунья*, *хохотунья*, *бегунья*, *болтунья* формально-семантически связаны и с глаголами *говорить*, *прыгать*, *хохотать*, *бегать*, *болтать* и с существительными *говорун*, *прыгун*, *хохотун*, *бегун*, *болтун*. Объединяя в словообразовательные пары *говорить* и *говорунья* (‘та, которая любит говорить’), мы в качестве словообразовательного форманта должны выделить звуковой отрезок *-унь(я)*. Но будет ли этот отрезок в структуре производного слова наименьшим в

формальном и семантическом отношении словообразовательным средством? Ведь в нем соединяются два значения — значение лица, выполняющего какое-либо действие, обозначенное глаголом, и значение лица женского пола. Первое значение в современном русском языке имеет суффикс *-ун-*, при помощи которого от соответствующих глаголов образуются имена существительные мужского рода: *бормотать* — *бормот-ун*, *колдовать* — *колд-ун*, *свистеть* — *свист-ун*, *реветь* — *рев-ун*, *храпеть* — *храп-ун*. Второе значение в современном русском языке свойственно суффиксу который используется при образовании имен существительных, являющихся наименованиями лиц женского пола. Образуются данные имена существительные на базе соответствующих имен существительных мужского рода: *молчун* — *молчун-я*, *храпун* — *храпун-я*, *моргун* — *моргун-я*, *хвастун* — *хвастун-я*. Следовательно, непосредственные (реальные) отношения словообразовательной производности сначала устанавливаются между глаголами и именами существительными мужского рода, а уж затем — между именами существительными мужского рода и именами существительными женского рода — *говорун* — *говорунья* ('лицо женского пола к *говорун*'), *прыгун* — *прыгунья* ('лицо женского пола к *прыгун*'), *хохотун* — *хохотунья* ('лицо женского пола к *хохотун*'). Сопоставив *говорун* и *говорунья*, *прыгун* и *прыгунья*, *хохотун* и *хохотунья*, мы выделим звуковой отрезок *-j-(a)*, состоящий из суффикса и сопровождающей его флексии *-a*. Суффикс *-j-* участвует в образовании слов *говорунья*, *прыгунья*, *хохотунья* и является носителем определенного значения в их семантической структуре. Это наименьшее в формальном и семантическом отношении словообразовательное средство, позволяющее отличить слова *говорунья*, *прыгунья* и *хохотунья* от слов *говорун*, *прыгун* и *хохотун*, т. е. их словообразовательный формант¹².

¹² Иногда в состав словообразовательного формата включают и флексию на том основании, что при суффиксации без участия флексии не может быть сформировано слово: *просуши-(ть)* — *просуш-к(a)*, *сея-(ть)* — *сея-лк(a)*, *брезент* — *брезент-ов(ый)*. При этом флексия выделяется как особый элемент формата, так как она выполняет при образовании слов особые функции. См.:

Словообразовательный формант может состоять из одной или нескольких морфем. Он может представлять собой непрерывную последовательность морфем и может быть прерывным: *яблоко* — *яблоч-н(ый)*, *кусать* — *ис-кусать*, *кажд(ый) день* — *кажд-о-дн-евн(ый)*, *бел(ые) бров(и)* — *бел-о-бров-о(ый)*, *новый* — *об-нов-и(ть)*, *слез(а)* — *слез-и(ть)-ся*, *бежать* — *раз-бежать-ся*.

Каждый словообразовательный формант — это значимая единица языка. Он является носителем определенного значения, которое в лингвистической теории называется словообразовательным. На уровне одного производного слова словообразовательное значение выступает, как структурная часть его лексического значения. Выявляется оно путем сопоставления семантики производного и производящего слов. Ср.: *тракторист* — ‘водитель трактора’ и *трактористка* — ‘женщина-тракторист’; *большой* — ‘значительный по величине, размерам’ и *большуший* — ‘очень большой’; *топать* — ‘стучать, бить ногой (ногами) об пол, землю’ и *топнуть* — ‘совершить то же действие, что и *топать*, но только один раз’.

Семантика слов *трактористка*, *большуший*, *топнуть* включает в себя дополнительные семантические компоненты (по сравнению с семантикой слов *тракторист*, *большой*, *топать*) — значение женскости (*трактористка*), значение усилительности (*большуший*) и значение однократности (*топнуть*). Эти же семантические компоненты мы можем выделить и в семантике других производных слов с теми же словообразовательными формантами (*трактористка* — ‘женщина-тракторист’, *пенсионерка* — ‘женщина-пенсионер’, *гимнастка* — ‘женщина-гимнаст’; *большуший* — ‘очень большой’, *здоровуший* — ‘очень здоровый’, *краснуший* — ‘очень красный’, *топнуть* — ‘то же что *топать*, но только один раз’, *крикнуть* — ‘то же что и *кричать*, но только один раз’, *моргнуть* — ‘то же что и *моргать*, но только один раз’, *куснуть* — ‘то же, что и *кусать*, но только один раз’).

Следовательно, основной отличительный признак словообразовательного значения — повторяемость в больших

или меньших рядах производных слов с одним и тем же словообразовательным формантом. На уровне рядов производных слов словообразовательное значение приобретает относительную самостоятельность и может быть выделено как один из видов языковых значений. Главные его характеристики — **обобщенность** и **бинарность**. Обобщенный характер словообразовательного значения объясняется его повторяемостью в рядах производных слов. А бинарность словообразовательного значения обусловлена обязательным наличием в его структуре двух сем — **семь форманта** и **семь мотиватора** (т. е. производящего слова). Например: *молчаливый* — ‘такой, который постоянно *молчит*’, *ворчливый* — ‘такой, который постоянно *ворчит*’, *болтливый* — ‘такой, который постоянно *болтает*’, *говорливый* — ‘такой, который постоянно *говорит*’.

Словообразовательное значение данного ряда производных слов может быть определено так: ‘тот, кто постоянно выполняет...’ — сема форманта, и ‘действие, обозначенное мотивирующим глаголом’ — сема мотиватора (т. е. производящего слова).

Словообразовательные значения весьма разнообразны по своим признакам. Чешский ученый Милош Дóкулил распределил их по трем основным типам: транспозиционные, модификационные и мутационные¹³.

Транспозиционное словообразовательное значение свойственно производным словам, семантика которых ничем не отличается от семантики производящих слов, кроме общечастеречного значения. Ср.: *легкий* — *легкость* ‘свойство или признак *легкого*’; *гибкий* — *гибкость* ‘свойство или признак *гибкого*’; *бодрый* — *бодрость* ‘свойство или признак *бодрого*’ (опредмеченный признак, отсюда равные по значению словосочетания: *гибкое тело* — *гибкость тела*, *бодрый дух* — *бодрость духа*, *легкий слог* — *легкость слога*).

Модификационное словообразовательное значение отмечается у тех производных слов, семантика которых немного отличается от семантики производящих слов, но отличие это несущественно. Значение таких производных слов всегда равно сумме значений составляющих их струк-

¹³ Докулил М. Tvoreni slov v čestine. Praha, 1962. T. I.

турных частей: *домик* — ‘маленький дом’, *садик* — ‘маленький сад’, *котик* — ‘маленький кот’; *журналистка* — ‘женщина-журналист’, *велосипедистка* — ‘женщина-велосипедист’, *акробатка* — ‘женщина-акробат’.

Производные слова с модификационными словообразовательными значениями обычно относятся к той же части речи, что и их производящие.

Мутационное словообразовательное значение свойственно производным словам, значение которых резко отличается от значения производящих слов: *строитель* — ‘тот, кто профессионально строит’, *писатель* — ‘тот, кто пишет, создает художественные произведения’, *учитель* — ‘тот, кто профессионально учит’.

В семантике производных слов с мутационным словообразовательным значением очень часто появляются различные семантические приращения: *качели* — ‘сооружение, на котором качаются [для забавы]’; *ягодник* — ‘тот, кто [любит] собирать ягоды’; *ошейник* — ‘приспособление, которое одевается на шею [животным для крепления поводка]’.

Словообразовательное значение и словообразовательный формант — это важнейшие элементы словообразовательной системы. Они характеризуют производные слова с двух сторон: с точки зрения формы и с точки зрения содержания. Благодаря им осуществляется классификация производных слов и их распределение по словообразовательным типам.

Словообразовательный тип

Словообразовательный тип — это крупная комплексная единица словообразовательной системы. В современной теории словообразования исследователи отводят ей центральное место. Анализируя системное устройство словообразования, они рассматривают словообразовательную систему либо как совокупность словообразовательных типов в их взаимодействии (И. И. Ковалик, Б. Н. Головин, Грамматика-70), либо как совокупность словообразовательных типов и словообразовательных гнезд (П. А. Соболева, Е. А. Земская, Грамматика-80). И в первом, и во втором случае в качестве базовой единицы выступает словообразователь-

ный тип. Почему? Ведь мы знаем, что предметом изучения словообразования, основной его единицей является производное слово. Но каждое конкретное производное слово — это прежде всего лексическая, словарная единица. Оно входит в систему словообразования, лежит в основе этой системы, но само по себе оно не обладает системообразующим свойством. Производное слово участвует в системной организации словообразования лишь в составе словообразовательного типа как его элемент.

Словообразовательный тип объединяет производные слова на основании трех общих для них характеристик: 1) отнесенность всех производящих слов к одной и той же части речи; 2) наличие одних и тех же семантических отношений между производными и производящими словами, т. е. общего словообразовательного значения; 3) наличие общего словообразовательного форманта и способа словообразования.

Рыба → *рыб-ин(а)*,
тыква(а) → *тыква-ин(а)*,
клюква(а) → *клюква-ин(а)*,
лед → *льд-ин(а)*,
кирпич → *кирпич-ин(а)*.

Первый признак — одна и та же часть речи производящей базы — факультативен. Он признается в качестве обязательного не всеми исследователями. Существует значительное количество производных слов, характеризующихся общностью двух последних признаков, но образованных от основ слов с различным общечастеречным значением.

Гардеробщик — ‘тот, кто работает в *гардеробе*’,
танцовщик — ‘тот, кто *танцует*’,
докладчик — ‘тот, кто делает *доклад*’
(или ‘тот, кто *докладывает*’),
переводчик — ‘тот, кто делает *перевод*’
(или ‘тот, кто *переводит*’).

Все эти слова можно отнести к одному словообразовательному типу только на основании общности словообразовательного значения (‘тот, кто выполняет какую-либо деятельность, названную производящим словом’), словообразовательного форманта (*-чик/-щик-*) и способа словообра-

зования (суффиксальный). Эти признаки являются основными при распределении производных слов по словообразовательным типам. Нарушение одного из них свидетельствует об отнесенности производных единиц к различным словообразовательным типам.

Ср.: *богатство* и *дежурство*,
 равенство и *бегство*,
 братство и *руководство*.

Формальные характеристики данных слов абсолютно одинаковы: и те и другие образованы при помощи суффикса *-ств-*, правда, первые от основ имен прилагательных, а вторые — от глагольных основ. Но словообразовательное значение у них не совпадает: *богатство*, *равенство*, *братство* обозначают ‘свойство или признак, названный производящей основой’, *дежурство*, *бегство*, *руководство* — ‘определенное действие, указанное производящей основой’. Следовательно, перед нами два словообразовательных типа, с одинаковой формой, но разным содержанием. Такие словообразовательные типы называются **омонимическими**. Их появление в словообразовательной системе обусловлено наличием в языке одинаково звучащих, но не совпадающих по значению словообразовательных средств.

При распределении производных слов по словообразовательным типам нередко встречается и обратное отношение — одинаковое содержание, но различное формальное выражение словообразовательных формантов.

Ср.: *ходьба* *освобождение* *переписка*
 стрельба *горение* *рубка*
 пальба *обучение* *варка*
 косяба *кипение* *заливка*.

Все эти группы производных слов имеют одно и то же словообразовательное значение — ‘опредмеченное действие, названное производящим глаголом’, но их словообразовательные форманты не совпадают (в первом случае это суффикс *-б-*, во втором — суффикс *-ниј-/ениј-*, в третьем — суффикс *-к-*). Отсутствие формального тождества не позволяет объединить данные группы слов в один словообразовательный тип. Перед нами три словообразовательных типа с одинаковым словообразовательным значением, но разными словообразовательными формантами. Такие сло-

вообразовательные типы в словообразовательной системе называются **синонимическими**.

Ряд синонимических словообразовательных типов образует словообразовательную **категорию**. Например, словообразовательная категория имен действия включает словообразовательные типы имен существительных с суффиксом *-ниј-* (*слушание, пение...*), *-тиј-* (*взятие, закрытие*), *-к-* (*рубка, надбавка*), *-ёж-* (*грабеж, галдеж*), *-ок-* (*кивок, бросок*), *-н-* (*резня*), *-ств-* (*баловство, дежурство*). Словообразовательную категорию имен деятеля образуют существительные словообразовательных типов на *-тель* (*учитель, водитель*), *-ник-* (*ученик, проводник*), *-щик-/чик-* (*забойщик, наводчик*), *-ец-* (*владелец, умелец*), *-ун-* (*прыгун, ворчун*), *-ок-* (*стрелок, игрок*).

Наличие синонимических и омонимических словообразовательных типов в словообразовательной системе лишней раз подтверждает, что для объединения производных слов в один словообразовательный тип необходима: а) общность словообразовательного значения и б) общность словообразовательного форманта. Иначе говоря, словообразовательный тип — это совокупность производных слов, выражающих одно и то же словообразовательное значение с помощью одного и того же словообразовательного форманта.

Важнейшие свойства словообразовательного типа как единицы языка — воспроизводимость и повторяемость как в плане содержания, так и в плане выражения. Минимальное количество членов словообразовательного типа — два производных слова, но, как правило, их гораздо больше. Тысячи производных слов объединяются в словообразовательном типе имен действия с суффиксом *-ниј-*, имен качества с суффиксом *-ость*, отадъективных наречий с суффиксом *-о*.

Каждый словообразовательный тип обладает своими грамматическими и семантическими признаками. В зависимости от них идет грамматическая и семантическая классификация словообразовательных типов.

Характер словообразовательного значения определяет и характер словообразовательного типа в целом. Ряды производных слов с различными видами словообразова-

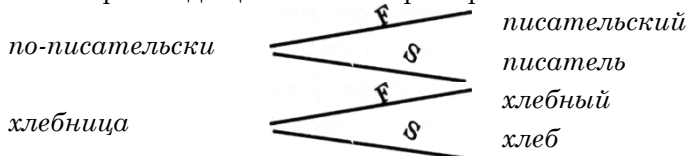
тельных значений — транспозиционных, модификационных, мутационных — соответственно распределяются по транспозиционным, модификационным и мутационным словообразовательным типам.

Модификационные и мутационные словообразовательные типы относятся к области **лексической деривации**. В ней объединяются производные слова, значения которых не равны значению производящих, — так называемые лексические дериваты.

Транспозиционные словообразовательные типы относятся к области **синтаксической деривации**. Она охватывает производные слова, семантика которых отличается от семантики производящих только на уровне общечастеречного значения. Исследователи называют их **синтаксическими дериватами**.

Деление словообразовательных типов на область лексической и синтаксической деривации, предложенное польским лингвистом Ежи Куриловичем, — это основное принципиальное деление всей системы словообразования.

Характер семантики синтаксических дериватов определяет их поведение в процессе образования других производных слов. Выступая в качестве производящих слов, синтаксические дериваты оказываются связанными со своими производными только на уровне формы. Семантические отношения между ними не устанавливаются, ибо синтаксические дериваты не имеют самостоятельного значения — их значение тождественно значению производящих слов. В результате слова, образованные от синтаксических дериватов, семантически соотносятся с производящими словами своих производящих слов. Например:

Таким образом, наличие синтаксических дериватов в языке — одна из причин появления производных слов с нарушенной (расщепленной) формальной и семантической производностью.

На грамматическом уровне словообразовательные типы классифицируются в зависимости от того, относится ли

производное слово к той части речи, что и производящее, или переходит в иную часть речи. Ср.:

<i>петь</i> — <i>запеть</i>	<i>учить</i> — <i>учитель</i>
<i>кричать</i> — <i>закричать</i>	<i>водить</i> — <i>водитель</i>
<i>плакать</i> — <i>заплакать</i>	<i>писать</i> — <i>писатель</i>
<i>цвести</i> — <i>зацвести...</i>	<i>строить</i> — <i>строитель...</i>

Производные слова, имеющие то же общечастеречное значение, что и производящие, распределяются по **нетранспозиционным** словообразовательным типам. Производные слова, отличающиеся от своих производящих общечастеречным значением, объединяются в **транспозиционные** словообразовательные типы¹⁴.

Деление словообразовательных типов на транспозиционные и нетранспозиционные существенно лишь для сферы лексической деривации, так как вся область синтаксической деривации представлена транспозиционными словообразовательными типами. А среди лексических дериватов встречаются как представители нетранспозиционных, так и представители транспозиционных словообразовательных типов. Ср.:

<i>тигр</i> → <i>тигренок</i>	<i>выключать</i> → <i>выключатель</i>
<i>кот</i> → <i>котенок</i>	<i>очистить</i> → <i>очиститель</i>
<i>лев</i> → <i>львенок</i>	<i>обогревать</i> → <i>обогреватель</i>
<i>гусь</i> → <i>гусенок...</i>	<i>проигрывать</i> → <i>проигрыватель...</i>

нетранспозиционный модификационный словообразовательный тип.

транспозиционный мутационный словообразовательный тип.

Словообразовательные типы отличаются друг от друга не только своими семантическими и грамматическими характеристиками. Разделяют их и такие показатели, как степень регулярности и степень продуктивности.

Словообразовательная регулярность — это повторяемость формальных и семантических отношений словообразовательно соотносительных слов.

Стар(ый) — *стар* + *е(ть)* 'становиться старым'
худ(ой) — *худ* + *е(ть)* 'становиться худым'

¹⁴ Транспозиция понимается широко: как переход из одной части речи в другую, без учета наличия или отсутствия семантического тождества производных или производящих слов.

лыс(ый) — *лыс* + *е(ть)* ‘становиться лысым’ и т. д. (формальные и семантические отношения между *старый* и *стареть* повторяются на уровне словообразовательных пар *худой* — *худеть*, *лысый* — *лысеть*).

Регулярные словообразовательные типы характеризуются тождественными формальными и семантическими отношениями на уровне всех членов типа.

С точки зрения продуктивности/непродуктивности в словообразовании могут быть охарактеризованы различные единицы — словообразовательные аффиксы, производящие основы, словообразовательные типы, способы словообразования. Однако при описании словообразовательной системы наиболее существенным является понятие продуктивности словообразовательного типа — ее базовой, основной единицы, в которой заложены формулы (схемы, образцы) создания новых слов.

По отношению к словообразовательным типам выделяются два вида продуктивности, охарактеризованные Милошем Докулилом: эмпирическая продуктивность и системная продуктивность.

Эмпирическая продуктивность словообразовательных типов устанавливается следующим образом. Исследуются новообразования определенной эпохи и устанавливаются, какие словообразовательные типы в разные временные периоды (например, в начале века, в середине века и его конце) служат образцом для создания новых слов.

Методика определения эмпирической продуктивности соответствует диахроническому подходу к изучению языковых явлений и фактов. Следовательно, эмпирическая продуктивность относится к ряду понятий диахронического (исторического) словообразования. На ее уровне выделяются продуктивные и непродуктивные словообразовательные типы. **Продуктивные** словообразовательные типы — это открытые, незамкнутые системы, дающие новообразования. **Непродуктивные** словообразовательные типы — это закрытые, замкнутые системы, не дающие новообразований.

Нередко количество слов в непродуктивном словообразовательном типе ограничено небольшим списком. Ср.:

весело

и

певец

четко
хорошо
легко
бодро...

швец
жнец
пловец
льстец...

тип открыт, незамкнут, он может быть продолжен, насчитывает сотни слов, дает новообразования.

тип закрыт, замкнут, количество слов ограничено новообразованиями не дает.

Понятие эмпирической продуктивности словообразовательных типов исторически изменчиво. То, что было продуктивно в одну эпоху, становится непродуктивным в другую, и наоборот. Так архаизировался словообразовательный тип, объединяющий глаголы со значением многократного действия: *бегивать*, *говаривать*, *певать*, *читывать*, *хаживать*... Он был очень продуктивен в XVI — XVII вв.

Обратный путь (из непродуктивных в продуктивные) прошел словообразовательный тип производных слов с суффиксом *-к-*, возникший в результате семантического стяжения словосочетаний *зачетная книжка* → *зачетка*, *попутная машина* → *попутка*, *электрический поезд* → *электричка*, *десятилетняя школа* → *десятилетка*... Еще в начале XX в. таких слов в русском языке было немного (*винтовое ружьё* → *винтовка*), но изменения в способе номинации, стремление к речевой экономии языковых средств обусловили появление новых образований по существующей в языке удобной для коммуникации модели. И продуктивность данного словообразовательного типа заметно возросла.

Системная продуктивность словообразовательного типа, — в отличие от эмпирической, — понятие синхронного словообразования. Зависит она от морфематических связей аффиксальных морфов. Чем шире они, чем свободнее соединяются словообразовательные морфы с производящей базой при образовании слов какого-либо типа, тем выше его системная продуктивность, и наоборот. Морфематические связи аффиксальных морфов — это их сочетаемостные свойства (или валентность). На характер сочетаемости морфов большое влияние оказывают языковые ограничения, действующие при образовании слов различных словообразовательных типов. Изучены они мало. В настоящее время выделены и описаны только некоторые их разно-

видности: семантические, формальные, стилистические, лексические и словообразовательные.

Семантические ограничения наиболее разнообразны в системе языка. Чаще всего они обусловлены семантической несовместимостью морфов. Так, суффиксы, обозначающие степень проявления признака (*-оват-*, *-ущ-*, *-енн-*), сочетаются только с основами имен прилагательных. Существительные с суффиксом *-ость* со значением отвлеченного признака образуются только от качественных имен прилагательных: *красивый* → *красивость*, *бледный* → *бледность*. От относительных прилагательных образование подобных имен существительных затруднено.

Формальные ограничения действуют на морфологическом уровне и приводят к невозможности соединения морфем. Так, суффикс имен существительных *-тель* присоединяется преимущественно к глагольным основам, оканчивающимся на гласный (*жи-ть* → *жи-тель*, *мечта-ть* → *мечта-тель*, *наруши-ть* → *наруши-тель*, *завоева-ть* → *завоева-тель*). При образовании подобных существительных от глаголов с основами на согласный обычно используются другие суффиксы: *пек-ут* → *пек-арь*, *прыг-ать* → *прыг-ун*, *пас-ти* → *паст-ух*, *перевод-ить* → *перевод-чик*.

В процессе словопроизводства морфы нередко приспосабливаются друг к другу, что в значительной степени ослабляет действие формальных ограничений. К числу основных морфонологических процессов, способствующих беспрепятственному соединению морфов, относятся: чередование фонем, усечение производящей основы, вставка звуков (или наращивание производящей основы), наложение (или совмещение) морфем.

Чередование гласных или согласных фонем чаще всего наблюдается при суффиксации. Чередуются конечные согласные фонемы производящей основы при присоединении к ней суффиксального морфа.

Например: *конец* → *конеч-н(ый)* (*ц//ч*), *огурец* → *огуреч-н(ый)* (*ц//ч*), *утюг* → *утюж-и(ть)* (*ж//жс*); *углуби(ть)* → *углубл'-а(ть)* (*б//бл'*); *ослепи(ть)* → *ослепл'-а(ть)* (*п//пл'*); *старикан* → *старикаш-к(а)* (*н//ш*); *гребень* → *гребеш-ок* (*н'/ш*).

Очень часто чередуются согласные, парные по твердости/мягкости: *вод(а) → вод'-иц(а)*, *фальшив(ый) → фальшив'-и(ть)*, *тетрадь → тетрад-н(ый)*, *степь → степ-н(ой)*.

Отмеченные чередования происходят на морфемном шве и имеют регрессивное направление. Путем замены одной фонемы другой конец производящей основы приспосабливается к суффиксальной фонеме (или начальной фонеме суффикса). Подобные чередования встречаются иногда и внутри производящей основы: *день → дн-евн(ой)*, *мох → ми-ист(ый)*, *весна → веш-н(ий)*; *собирать → сбор, роптать → ропот*.

Усечение производящей основы происходит по многим причинам, но основное его назначение — устранить скопление согласных или гласных фонем на морфемном шве, затрудняющее присоединение суффиксального морфа к производящей основе: *глуб/ок(ий) → глуб-ин(а)*, *креп/к(ий) → креп-ыш*, *черт/и(ть) → черт-еж*, *догад/а(ть)ся → догад-к(а)*, *недоуме/ва(ть) → недоуме-ни(е)*, *хром/а(ть) → прихрам-ыва(ть)*, *увлек/а(ть)ся → увлеч-ени(е)*.

Вставка звуков (или наращивание производящей основы) — явление, прямо противоположное описанному выше. Суть его в приспособлении производящей основы к суффиксальному морфу путем вставки асемантического элемента, своеобразной прокладки, позволяющей соединиться фонемам, не соединяющимся в русском языке: *врач → врач(еб)-н(ый)*, *шоссе → шоссе(й)-ный*, *владе(ть) → владе(л)-еи*, *пе(ть) → пе(в)-уч(ий)*.

Благодаря добавочным звукам производящая основа преобразуется. Видоизмененная, она свободно включается в процесс образования производных слов.

Наложение (или совмещение) морфем наблюдается в тех случаях, когда конец производящей базы материально совпадает с началом словообразовательного аффикса. Например, суффикс *-оват-* (*-еват-*), указывающий на уменьшенную степень качества, иногда присоединяется к основам прилагательных, оканчивающимся на *-ов-* (*-ев-*): *лилов(ый) + -оват- → лиловат(ый)*. Однако отрезок *-ов-* (*-ев-*) не повторяется в производном слове. Одинаковые части суффикса и основы при образовании слова совмещают-

ся друг с другом: *коричнев(ый) + -еват- → коричневат(ый)*; *такси + -ист → таксист*; *физик(а) + -ик → физик*; *морфо- + -о- + -фонология → морфонология*.

Стилистические ограничения в сочетаемости морфем обусловлены стилистической несовместимостью производящих баз и аффиксальных морфем.

Морфемы, подобно словам, могут иметь стилистическую окраску, поэтому если мы попробуем образовать абстрактное существительное на *-ость* от прилагательных *рукастый*, *бровастый*, то окажемся в затруднительном положении. Нельзя соединить несоединимое: суффикс *-ость* обычно присоединяется к основам, имеющим книжную или нейтральную стилистическую окраску, а основы прилагательных *рукаст(ый)*, *броваст(ый)* имеют стилистически сниженную (разговорную) окраску.

Лексические ограничения возникают при несоответствии между возможностями словообразовательной системы и лексическими нормами.

Появлению производного слова может препятствовать существующее уже в языке слово — омоним.

Например, нет в языке словообразовательных пар *пилот — пилотка* ‘женщина-пилот’, *штукатур — штукатурка* ‘женщина-штукатур’, так как широко распространены в языке слова *пилотка* и *штукатурка*, функционирующие с другим значением ‘шапка’ (*пилотка*) и ‘материал’ (*штукатурка*).

Иногда производное слово не образуется потому, что его “семантическое место” уже занято другим словом. Есть *тигр → тигренок*, *слон → слоненок*, но *лошадь — лошаденоч* отсутствует, так как существует *лошадь — жеребенок*. Или: *лев — львица*, *тигр — тигрица*, но *баран — овца*, *бык — корова*.

Словообразовательные ограничения чаще всего действуют на уровне некоторых производных основ, не способных выступать в качестве производящих.

Так, прилагательные с суффиксами субъективной оценки (*здоровенный*, *здоровущий*, *здоровехонький*), как правило, замыкают собой словообразовательный ряд. Новые слова от них не образуются.

Все охарактеризованные нами языковые ограничения встречаются на уровне различных словообразовательных типов и определяют степень их системной продуктивности. Появление семантических, формальных и словообразовательных ограничений обусловлено строением языковой системы. Корни стилистических и лексических ограничений — в реализации языковой системы на уровне нормы и узуса. И в том и в другом случае системная продуктивность словообразовательных типов полностью зависит от собственно языковых причин. Определяется она характером и частотой действующих в языковой системе ограничений, которые препятствуют образованию новых слов.

Словообразовательная цепочка

Словообразовательная цепочка — это более сложная, чем словообразовательная пара, комплексная единица системы синхронного словообразования. Она представляет собой ряд однокорневых слов, в котором каждое предыдущее слово является мотивирующим для последующего:

пыль → *пылить* → *опылить* → *опыление*;

равный → *равнять* → *уравнять* → *уравнивать* → *уравнивание*.

Каждая словообразовательная цепочка — это открытая синтагматическая структура, которой присущи следующие характеристики:

- а) общность корня;
- б) линейное расположение компонентов;
- в) последовательная словообразовательная производительность: различные значимые части присоединяются к исходной производящей базе в строгой последовательности. Они как бы нанизываются на корень.

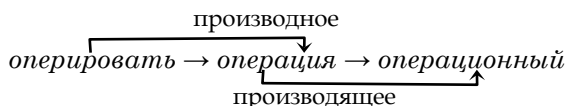
Открывает словообразовательную цепочку исходное слово (вершина цепочки), остальные ее компоненты располагаются на разных ступенях словообразования в соответствии с отношениями словообразовательной производности:

единый (исх. слово) → $\overline{сo}$ -един- $\hat{u}$ (ть) → $\overline{при}$ -соединить → $\overline{присоедин}$ - $\hat{e}$ ний(э);

черствый (исх. слово) → черств- $\hat{e}$ (ть) → $\overline{зa}$ -черстветь → $\overline{зачерствe}$ - $\hat{л}$ (ый) → $\overline{зачерствeл}$ - $\hat{o}$ сть.

На каждой словообразовательной ступени к исходной производящей базе прибавляется новый словообразовательный формант. И чем выше ступень, на которой находится производное слово, тем сложнее его словообразовательная структура.

Таким образом, на уровне словообразовательных цепочек выявляются синтагматические связи производных слов, ступенчатый характер русского словообразования и относительный характер терминов “производное слово” и “производящее слово”. В любой словообразовательной цепочке одно и то же слово (кроме исходного) одновременно может быть и производным, и производящим. Ср.:

Количество компонентов в словообразовательной цепочке зависит от словообразующих возможностей ее вершины. Существуют цепочки, формально равные словообразовательной паре, состоящей из исходного слова и одного производного: *балет* → *балетный*. Такие цепочки обычно называют **бинарными**. Им противопоставлены **полинарные** словообразовательные цепочки, количество компонентов в которых колеблется от трех до семи:

рука → *рукавица* → *рукавичка*;

садить → *посадить* → *посадка* → *посадочный*;

белый → *белить* → *побелить* → *побелка* → *побелочный*;

свой → *усвоить* → *усваивать* → *усваиваемый* → *усваиваемость*.

По данным А. Н. Тихонова, в русском языке чаще всего встречаются четырех-пятикомпонентные словообразовательные цепочки. Это говорит о том, что процесс словопроизводства в русском языке интенсивнее всего идет на первых четырех ступенях словообразования.

Словообразовательная парадигма

Отношения между производными словами в словообразовательной системе могут иметь не только синтагматический, но и парадигматический характер.

Парадигматический характер отношений в словообразовании проявляется на уровне особой комплексной единицы — **словообразовательной парадигмы**, впервые подробно описанной и охарактеризованной Е. А. Земской.

Словообразовательная парадигма представляет собой совокупность производных слов, связанных отношениями словообразовательной производности с одним и тем же производящим словом и находящихся на одной ступени словопроизводства.

<i>зверь</i> →	<i>звер-ин(ый)</i>	<i>звук</i> →	<i>сверх-звук</i>
	<i>звер-ск(ий)</i>		<i>звук-ов(ой)</i>
	<i>звер-ёныш</i>		<i>звуч-н(ый)</i>
	<i>звер-инец</i>		<i>о-звуч-и(ть)</i>

Структура словообразовательной парадигмы не является иерархичной, так как все ее члены равноправны. Они находятся в отношениях совместной производности (кодирования). Такие отношения часто называют еще радиальными: от одного производящего идут пучки производных.

Члены одной словообразовательной парадигмы называются **кодериватами**. Они противопоставлены друг другу своими деривационными значениями:

<i>виноград</i> →	<i>виноград-ин(а)</i> — ‘единичность’
	<i>виноград-ник</i> — ‘место’
	<i>виноград-арь</i> — ‘лицо’
	<i>виноград-н(ый)</i> — ‘признак’.

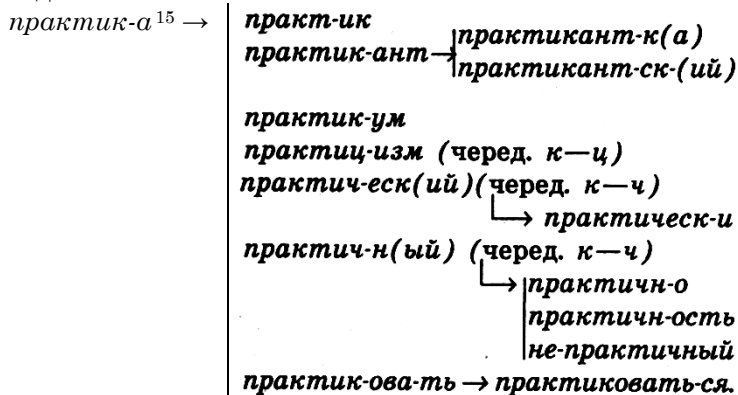
Словообразовательная парадигма объединяет разные слова, в том числе слова разных частей речи, но не включает в себя слово, от которого образуются все ее члены.

Компоненты словообразовательных парадигм семантически независимы друг от друга. Смысловая связь между ними проявляется лишь опосредованно — через семантику производящего.

Словообразовательное гнездо

Словообразовательное гнездо — это самая сложная комплексная единица словообразовательной системы, на уровне которой проявляются и синтагматические, и парадигматические связи производных слов.

Образует словообразовательное гнездо совокупность однокорневых слов, расположенных в соответствии с упорядоченными отношениями словообразовательной производности.

Все производные слова гнезда восходят к одному непроизводному, исходному по отношению к ним слову. Оно и возглавляет словообразовательное гнездо. Производные слова удалены от непроизводного на одну или несколько словообразовательных ступеней. Размещаются они в зависимости от отношений словообразовательной производности. Все слова гнезда связывает корневая морфема как носитель основного элемента лексического значения.

В структуре словообразовательного гнезда тесно переплетаются синтагматические и парадигматические отношения производных слов. Любое словообразовательное гнездо одновременно может быть представлено и как совокупность словообразовательных цепочек (по горизонтали), и как совокупность словообразовательных парадигм (по вертикали). Разные парадигмы одного гнезда сводятся к исходному слову — вершине гнезда — только при помощи словообразовательных цепочек. А члены цепочек, как правило, являются вершинами гнездовых парадигм.

Количественный и качественный состав словообразовательного гнезда находится в прямой зависимости от семан-

¹⁵ Гнездо дается в том виде, какой оно имеет в “Школьном словообразовательном словаре русского языка” А. Н. Тихонова (М., 1978).

тических и парадигматических характеристик его вершины. Самые большие и разветвленные словообразовательные гнезда имеют глаголы, что объясняется их богатыми (по сравнению с другими частями речи) синтаксическими возможностями. Глагол обычно называет целую ситуацию, в которой участвуют субъект и объект действия, значение его часто требует наименования орудия действия, места действия, результата действия. Ср.: *тереть* → *терка* ‘орудие действия’, *купаться* → *купальня* ‘место действия’, *варить* → *варенье* ‘результат действия’, *рубить* → *рублик* ‘субъект действия’.

Конечно, не каждая валентность глагола реализуется в словообразовании, но, тем не менее, широта его синтаксических связей и семантическая насыщенность обуславливают объемность глагольных словообразовательных гнезд.

Появление глагола в именных гнездах обычно активизирует процесс словопроизводства. Так, в словообразовательном гнезде прилагательного *белый* 64% производных слов образованы от глаголов *белеть* и *белить*.

Способы словообразования

Создание новых лексических единиц — одна из главных прикладных целей словообразования. В процессе словопроизводства активно участвуют различные способы словообразования. Они действуют на уровне ряда словообразовательных типов с одним и тем же видом словообразовательного форманта (при этом не учитываются ни материальное воплощение форманта, ни его конкретное словообразовательное значение).

Первая полная классификация способов русского словообразования была разработана В. В. Виноградовым. В своих работах (“Вопросы современного русского словообразования...” (1953), “Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии” (1952), он выделил и охарактеризовал четыре основных направления в процессе словопроизводства.

1. **Морфологическое словообразование.** В основе его — преобразование исходных лексических единиц в новые слова путем прибавления различных аффиксов или усечения элементов исходной единицы (*актер* — *актр-*

ис(а), стоять — у-стоять, красить — красить-ся, камень — о-камен-е(ть), син(ий) — синь, обвес(ить) — обвес). Гра-
ницы морфологического словообразования широки. В нем
представлены такие продуктивные способы образования
новых слов, как суффиксальный, префиксальный, пост-
фиксальный, смешанные (префиксально-суффиксальный,
префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфик-
сальный и др.), фонетико-морфологический (бессуффикс-
ный). Подавляющее большинство русских производных
лексем образовано этими способами¹⁶.

2. Морфолого-синтаксическое словообразование.

Охватывает все случаи перехода из одной части речи в
другую — **субстантивацию** (переход прилагательных и
причастий в существительные: *смелый человек — смелого
пуля боится*); **адъективацию** (переход причастий в при-
лагательные: *человек, вызывающий вас на переговоры —
вызывающее поведение*); **адвербиализацию** (переход из
других частей речи в наречия: *низ дома каменный — я
шел низом*); **прономинализацию** (переход из других ча-
стей речи в местоимения: *большое и нужное дело — дело
было в сентябре*). Основная причина перехода слов из од-
ной части речи в другую — изменение условий синтаксиче-
ского функционирования лексем. Новые слова при этом
являются продуктом расщепления единой лексической
единицы, из которой выделяются две самостоятельные
лексемы с разными лексико-грамматическими признака-
ми.

К морфолого-синтаксическому словообразованию, по
мысли В. В. Виноградова, относится и **словосложение** —
образование новых слов в процессе морфологического пре-
образования синтаксических единиц — словосочетаний
(*электрический двигатель → электродвигатель, рубить
лед → ледоруб, широкие плечи → широкоплечий; литера-
турный и художественный → литературно-художест-
венный*).

3. Лексико-синтаксическое словообразование

представлено различными случаями слияния элементов

¹⁶ По мнению некоторых лингвистов, только морфологическое
словопроизводство составляет собственную область слово-
образования.

словосочетания и превращения их в устойчивую единицу, функционирующую в качестве слова: с *ума сшедший* → *сумасшедший*; *ума лишенный* → *умалишенный*; *слабо развитый* → *слаборазвитый*; *здорово мыслящий* → *здоровомыслящий*; *зло умышлять* → *злоумышлять*; *благо творить* → *благотворить*. Производные слова при лексико-синтаксическом словообразовании выступают как конечный результат процесса лексикализации словосочетаний. Объединяясь в одну лексему, компоненты словосочетаний утрачивают свои фонетические, семантические и грамматические свойства отдельных слов. Вместо раздельно оформленной синтаксической единицы появляется цельнооформленная лексическая единица, сложная по структуре, но с общим планом выражения и содержания.

4. Лексико-семантическое словообразование опирается на семантическое расщепление полисемантических слов. Основные причины такого расщепления — утрата семантической общности и разрыв семантических связей между различными значениями многозначного слова. Новые лексемы при этом образуются в результате обособления отдельных значений и оформления их как самостоятельных лексических единиц. По форме они всегда совпадают с исходным словом, но содержание их семантически независимо: в нем нет ничего общего с содержанием исходного слова, т. е. продуктом лексико-семантического словообразования являются слова-двойники, слова-омонимы. Ср.: *совет* ('наставление, указание, предложение, как поступить') — *Совет* ('орган государственной власти, одна из форм организации общества'), *долг* ('обязанность') — *долг* ('взятие займа'), *метить* ('ставить метку') — *метить* ('стараться попасть').

Классификация В. В. Виноградова представляет собой первое наиболее полное и систематизированное описание существующих в русском языке способов образования производных слов. Долгие годы она широко использовалась в вузовской практике и в специальных исследованиях. Ее значение сохраняется и в наши дни, хотя современные учебные пособия и "Русская грамматика" (М., 1980) дают иные классификации способов русского словообразования. И это естественно. Лингвистическая наука не стоит на ме-

сте. За годы, прошедшие после появления классификации В. В. Виноградова, исследователи выделили и описали новые способы словопроизводства, не отмеченные В. В. Виноградовым, провели четкую границу между диахронным (историческим) и синхронным словообразованием. И оказалось, что при синхронном описании современной словообразовательной системы выделяются одни способы словообразования, а при диахроническом подходе — другие. Так, к области диахронного (исторического) словообразования были отнесены те способы русского словопроизводства, для функционирования которых необходимо несколько временных периодов — **лексико-семантический**, частично **лексико-синтаксический** (образование слов типа *тотчас*, *сумасшедший*), частично **морфолого-синтаксический** (все случаи перехода из одной части речи в другую, кроме субстантивации). Производные слова, образованные этими способами, появляются в языке не сразу, а постепенно, в результате длительного исторического развития. Процесс образования их всегда индивидуален, лишен каких-либо типизированных свойств и нерегулярен в своем проявлении.

При описании системы синхронного словообразования предлагаются различные классификации способов образования производных слов, используется различная терминология. Но в принципе все многообразие существующих в современной лингвистической литературе классификаций способов словопроизводства можно свести к двум основным. Первая опирается на качество словообразовательного форманта, вторая — на характер производящей базы. В зависимости от качества словообразовательного форманта выделяются морфологические и неморфологические способы словообразования, или аффиксальные и безаффиксные. К морфологическим (или аффиксальным) относятся: префиксальный, суффиксальный, постфиксальный и комбинированные способы словообразования, сложение, сложение в сочетании с суффиксацией, аббревиация. К неморфологическим (или безаффиксным) — сращение и субстантивация прилагательных и причастий.

В зависимости от характера производящей базы выделяются: 1) способы образования слов, имеющих одну моти-

вирующую основу; 2) способы образования слов, имеющих более чем одну мотивирующую основу. В первую группу входят суффиксация, префиксация, постфиксация, комбинированные способы словообразования, субстантивация прилагательных и причастий. Ко второй группе относятся сложение (чистое и сложносуффиксальное), сращение и аббревиация.

Первая классификация представляется нам более логичной и последовательной: она проводит грань между способами словообразования в зависимости от качества образующих средств — важнейших участников процесса словопроизводства, определяющих характер и особенности способов словообразования. Возникающее при этом противопоставление морфологических и неморфологических явлений в словообразовании естественно и закономерно. Оно обусловлено спецификой процесса образования новых слов, его обращенностью к различным языковым средствам, тесной связью словообразования с другими подсистемами языка.

Способы морфологического словообразования

При морфологическом словообразовании в качестве производящих выступают одно или два слова. Сложение, приводящее к появлению сложных слов, и аббревиация, в результате которой образуются сложносокращенные слова, выделяются как способы образования производных единиц на базе двух (или более) производящих (мотивирующих) слов. Разграничение способов словообразования при одном производящем слове основывается на том, какие аффиксальные морфемы участвуют в процессе словопроизводства, как они присоединяются к производящей базе — отдельно или совместно. В первом случае выделяются префиксальный, суффиксальный и постфиксальный способы словообразования, во втором — комбинированные: префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный и префиксально-суффиксально-постфиксальный.

Суффиксальным считается такой способ образования новых слов, при котором в качестве словообразовательного форманта выступает словообразовательный суффикс:

мсти(ть) → *мсти-тель*, *висе(ть)* → *вис-яч(ий)*, *малин(а)* → *малин-ник*. Суффикс как словообразовательное средство тесно связан со словоизменительными аффиксами. Эта связь обусловлена близостью суффиксальных и флексийных морфов в структуре слова. Объединение в процессе суффиксального словопроизводства суффиксальных морфов с флексийными существенно расширяет функции суффиксов. Они не только участвуют в образовании новых лексем, но и влияют на их грамматическое оформление: отнесенность к определенной части речи, принадлежность к определенному типу склонения или спряжения. При этом каждая часть речи имеет свой набор словообразовательных суффиксов: суффиксы имен существительных: *-ник-*, *-чик-/ицик-*, *-ач-*, *-к-*, *-ость/-есть*, *-ев-*, *-ств-/еств-* (*пыль-ник*, *вертолет-чик*, *сил-ач*, *пионер-к(а)*, *бледн-ость*, *син-ев(а)*, *дежур-ств(о)*); суффиксы имен прилагательных: *-н-*, *-ан-*, *-ск-*, *-альн-* (*тезис-н(ый)*, *кож-ан(ый)*, *варвар-ск(ий)*, *театр-альн(ый)*); суффиксы глаголов: *-ну-*, *-и-*, *-ива-/ыва-/ва-*, *-а-/я-* (*крут-ну(ть)*, *пудри-и(ть)*, *откры-ва(ть)*, *осматр-ива(ть)*). В процессе суффиксального словопроизводства нередко осуществляется перевод слова из одной части речи в другую, т. е. производная лексема получает другое общечастеречное значение по сравнению с производящим: *чисти(ть)* → *чист-к(а)*, *бледн(ый)* → *бледн-е(ть)*, *служб(а)* → *служеб-н(ый)*, *изобрази(ть)* → *изобрази-тельн(ый)*. Эти функции суффиксов — отнесение слова к определенному грамматическому классу и способность менять грамматические характеристики слов — принято называть **классифицирующими**.

В качестве производящей базы при суффиксации обычно используется **основа словоформы** — *бронз(а)* → *бронз-ов(ый)*, *способн(ый)* → *способн-ость*, *стекл(о)* → *стекл-и(ть)*. К ней вполне применим термин **производящая основа**. Довольно часто она видоизменяется: морфологически приспособляется к присоединяемому суффиксу — *огурец* → *огуреч-н(ый)* (чередование фонем — *ц/ч*), *ката(ть)ся* → *кат-ок* (усечение производящей основы), *жи(ть)* → *жи(л)-еи* (наращение производящей основы), *пальто* → *пальт-ов(ый)* (наложение морфем — *пальто* + *-ов(ый)*).

Значения суффиксов, участвующих в процессе образования производных слов, очень разнообразны. Они колеблются от широких и отвлеченных до очень конкретных. Ср.: *почт-ов(ый)* — ‘относящийся к почте’, *красн-е(ть)* — ‘становиться красным’, *футбол-ист* — ‘лицо, играющее в футбол (профессионально или любительски)’. Обычно абстрактные значения имеют суффиксы имен прилагательных и глаголов. Суффиксы имен существительных более конкретны.

Особой разновидностью суффиксального способа словообразования является **нулевая суффиксация** (или **безаффиксное словообразование**). Многие производные слова не имеют в своей структуре какого-либо материально выраженного суффиксального морфа, но, тем не менее, считаются образованными суффиксальным способом: *уходи(ть)* → *уход-ø*, *замени(ть)* → *замен-ø(а)*, *ссори(ть)* → *ссор-ø(а)*, *сухой* → *сушь-ø*, *син(ий)* → *синь-ø*, *золот(о)* → *золот-ø(ой)*, *весн(а)* → *вешн-ø(ий)*, *супруг* → *супруг-ø(а)*. Производность их устанавливается в языковой системе при определении лексической семантики и сравнении с производными словами других словообразовательных типов с тем же словообразовательным значением, оформленным материально. Мотивированность семантики слов типа *уход*, *сушь* бесспорна. Называя определенные действия и признаки, они отсылают нас к соответствующим глаголам и прилагательным, которые по отношению к ним выступают как производящие: *уход* — ‘действие по глаголу *уходить*’, *сушь* — ‘признак, качество или свойство *сухого*’. Семантические различия между производными и производящими словами в словообразовательных парах типа *уходить* → *уход*, *сухой* → *сушь* незначительны. Производные слова отличаются от производящих только своим общечастеречным значением. Они являются носителями значения определенного действия (*уход*) и определенного признака (*сушь*). Процесс словопроизводства в данном случае можно представить следующим образом. Слова с процессуальным или атрибутивным содержанием преобразуются в слова с предметным значением, но это преобразование осуществляется без участия материально выраженного суффикса. Его значимое отсутствие подтверждается и анализом формально-

семантических отношений в словообразовательных парах типа *ходить* — *ходьба*, *бледный* — *бледность*, где те же значения опредмеченного действия и опредмеченного признака имеют свою форму выражения — суффиксы *-б-* и *-ость-* соответственно.

Нулевая суффиксация особенно широко распространена в сфере именного словообразования. Чаще всего она используется для образования имен существительных, реже — имен прилагательных.

Префиксальный способ словообразования (или префиксация). Один из способов морфологического словообразования, при котором в качестве основного словообразовательного средства используется префикс: *просить* → *у-просить*, *красить* → *вы-красить*, *хрипеть* → *за-хрипеть*, *бросать* → *раз-бросать*, *порядок* → *бес-порядок*.

В роли производящей базы при префиксации выступает целое слово (*чистить* → *под-чистить*, *пахать* → *рас-пахать*). Обычно оно легко соединяется с нужным префиксом. В редких случаях при образовании слов префиксальным способом наблюдаются незначительные морфонологические явления (*история* → *пред-история*, *дать* → *раз-дать*, но *брать* → *разо-брать*).

Своеобразие префиксов как словообразовательных средств состоит в том, что они, в отличие от суффиксов, не влияют на грамматическое оформление производного слова. Присоединяясь к производящему слову, префиксы никогда не изменяют его общечастеречную характеристику. С их помощью от глаголов образуются глаголы, от имен — имена, от наречий — наречия: *заголовок* → *под-заголовок*, *научный* → *не-научный*, *сколько* → *ни-сколько*, *всюду* → *ото-всюду*, *жарить* → *до-жарить*.

Для префиксов не обязательна закрепленность за какой-либо частью речи: одни и те же префиксальные морфемы могут свободно участвовать в процессе образования слов с различными лексикограмматическими характеристиками (*правда* → *не-правда*, *веселый* → *не-веселый*, *кто* → *не-кто*, *куда* → *не-куда*; *интеграция* → *dez-интеграция*, *информировать* → *dez-информировать*; *мудрый* → *пре-мудрый*, *успеть* → *пре-успеть*, *позиция* → *пре-позиция*). Основная масса префиксов современного русского языка

используется в сфере глагольного словопроизводства. Там они являются продуктивным словообразовательным средством, с помощью которого можно выразить разнообразные оттенки процессуальных значений.

Постфиксальный способ словообразования (или постфиксация). Он представляет собой процесс образования производных лексем, в котором основным словообразующим средством является постфикс: *расширить* → *расшириться*, *лишить* → *лишиться*, *наполнять* → *наполниться*, *что* → *что-либо*, *кто* → *кто-нибудь*. По своим словообразовательным характеристикам и свойствам постфиксация близка к префиксации. Постфиксы, подобно префиксам, всегда присоединяются к целому слову и никогда не изменяют его статус в системе частей речи. Производное слово, образованное постфиксальным способом, обычно относится к той же части речи, что и производящее.

Словообразовательных постфиксов в современном русском языке немного (*-ся/-сь, -то, -либо, -нибудь*), поэтому сфера действия постфиксального способа образования производных слов строго ограничена. Она используется в области глагольной деривации, где “работает” единственный, но очень продуктивный постфикс *-ся/-сь*, и при формировании производных местоименных слов: *что* → *что-то*, *чей* → *чей-либо*, *когда* → *когда-нибудь*.

Смешанные способы образования (префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный и префиксально-суффиксально-постфиксальный). Эти способы объединяют все случаи образования производных слов с участием словообразовательных средств, состоящих из двух (иногда трех) дистантных (прерывных) элементов — *на-...-ыва(ть)*: *играть* → *на-игр-ыва(ть)*; *вз-...-ну(ть)*: *дремать* → *вз-дрем-ну(ть)*; *вы-...-ся*: *спать* → *вы-спать-ся*; *без-...-иц(а)*: *вкус* → *без-вкус-иц(а)*; *-и-...-ся*: *колос* → *колос-и(ть)-ся*; *при-...-и-...-ся*: *лун(а)* → *при-лун-и(ть)-ся*. Элементы составных словообразовательных средств по своему материальному составу и по занимаемому ими месту в слове (а некоторые и по значению) соотносительны с обычными префиксами, суффиксами и постфиксами. Поэтому многие исследователи, отмечая комбинированный характер дан-

ных словообразовательных средств, все-таки считают, что состоят они из относительно самостоятельных компонентов, способных в некоторых случаях одновременно участвовать в процессе словопроизводства. Производные слова, образованные с помощью составных словообразовательных средств, рассматриваются при этом как продукт смешанного аффиксального словообразования, в котором в зависимости от качества объединяющихся для создания новых лексем элементов выделяются такие способы, как префиксально-суффиксальный: *ветер* → *без-ветр-и(э)*, *кашлять* → *по-кашл-ива(ть)*; префиксально-постфиксальный: *играть* → *до-играть-ся*, *сохнуть* — *рас-сохнуть-ся*; суффиксально-постфиксальный: *рос(а)* → *ро-с-и(ть)-ся*, *резв(ый)* → *резв-и(ть)-ся*; префиксально-суффиксально-постфиксальный: *гляде(ть)* → *пере-гляд-ыва(ть)-ся*, *земл(я)* → *при-земл-и(ть)-ся*.

Данная точка зрения на процесс образования производных слов с помощью составных словообразующих средств не является единственной в лингвистической литературе. В специальных исследованиях встречается прямо противоположное описание дистантных (прерывных) элементов, иначе определяется и способ словообразования, где они выступают как словообразовательные форманты. Авторы этих исследований считают, что составные словообразовательные средства функционируют как единое целое. Их использование соответствует одному словообразовательному акту. Они создают новое слово не путем последовательного присоединения своих частей к производящей базе, а в результате объединения с ней в один прием и в комплексе. Функциональное единство компонентов составных словообразовательных средств сочетается с их семантической связанностью. Они выражают не сумму относительно самостоятельных значений, временно соединенных друг с другом, а единое по своему характеру содержание. Так, у глагола *упрямиться*, образованного с помощью дистантного словообразовательного средства *-и-...-ся*, значение 'проявлять признак, названный прилагательным *упрямый*' совмещается с дополнительным смыслом. Он содержится в указании на то, что проявляющийся признак сосредоточивается, замыкается в сфере его носителя. Вне

связи с этим дополнительным смыслом анализируемое нами действие в русском языке не представлено: в лексической системе глагол *упрямить* отсутствует.

Функциональное и семантическое единство дистантных элементов используется как основное доказательство их неразложимости на отдельные компоненты. Они участвуют в процессе словопроизводства как самостоятельное словообразовательное средство, комплексное по форме, но единое по содержанию. Обозначается это средство термином **конфикс**. Сам же способ словообразования, где конфикс выступает в качестве основного словообразовательного форманта, называется **конфиксация**.

Сложение. Сложение в сочетании с аффиксацией. Это способ образования сложных слов путем объединения нескольких словарных единиц: *грузооборот*, *горнолыжник*, *галантерейно-парфюмерный*, *глинисто-песчаный*, *воскоподобный*. В процессе создания сложных слов используются две производящие базы. Характер их меняется в зависимости от качества объединяющихся смысловых компонентов. Сложные слова могут возникать в результате соединения слова и слова (*Царь-пушка*), основы слова и слова (*водообмен*), основы слова и основы слова (*тонкострунный*). Связь между смысловыми компонентами сложного слова осуществляется с помощью интерфиксальных морфем, как материально выраженных (-о-, -е-, -и-, -а-, -ух: *мороз-о-стойкий*, *гряз-е-очиститель*, *пят-и-минутный*, *сорок-а-метровый*, *дв-ух-этажный*), так и нулевых (*вагон-ø-ресторан*, *Нов-ø-город*). Эти морфемы нейтрализуют грамматические значения предшествующих им компонентов, лишают их свойств самостоятельных слов. Наличие интерфикса является характерной чертой структуры сложного слова, которая отличается также закрепленным порядком следования компонентов (*сине-зеленый* ≠ *зелено-синий*, *город-спутник*, но не *спутник-город*) и единым главным ударением (*книготорго́вля*, *высокобо́ртный*, *два́язы́чие*).

Характер объединяющихся в сложном слове структурных частей непосредственно влияет на процесс формирования новых лексических единиц. В зависимости от комбинации производящих баз, выбранных для образования

сложного слова, выделяются две разновидности сложения: чистое сложение и сложение в сочетании с аффиксацией.

Чистое сложение — это способ образования сложных слов путем объединения двух слов или основы слова и целого слова. Рабочими моделями для него являются: **слово + i**¹⁷ + **слово**, **основа слова + i + слово**: *завод-автомат*, *школа-интернат*, *первоисточник*, *правдоподобный*, *общезвестный*.

Сложные слова, возникшие в результате чистого сложения, обладают особыми свойствами. Их своеобразие проявляется прежде всего в лексической семантике, формирующейся на основе объединения значений двух слов. Взаимосвязь и взаимодействие смысловых компонентов сложного слова носят разный характер. В одних случаях отношения между ними могут рассматриваться как равноправные (*литературно-художественный*, *воспитательно-оздоровительный*), а в других — как зависимые, хотя эта зависимость бывает разной (*водоканал*, *книгопечатание*, *ярко-желтый*). В формировании семантики сложного слова при чистом сложении участвует соединительное словообразовательное значение (носителем его является интерфикс). Оно объединяет значения структурных частей сложного слова в одно целостное сложное значение.

В составе сложного слова, образованного способом чистого сложения, его компоненты играют различную роль. Опорным обычно является второй, конечный элемент сложного слова. Он оформляет слово морфологически и сигнализирует о его грамматических свойствах.

Сложение в сочетании с аффиксацией представляет собой способ образования сложных слов по моделям: **основа слова + i + основа слова + s + f**; **pr + основа слова + i + слово**; **pr + основа слова + i + основа слова + s + f**. В каждом случае словообразовательный формант равен сумме формантов: **i-...-s-**, **pr-...-i-**, **pr-...-i-...-s-**¹⁸: *второй курс* → *втор-о-курс-ник(ø)*, *четыре весла* → *четыр-ех-весель-н(ый)*, *мир творить* → *у-мир-о-творить*, *Черное море* → *при-черн-о-мор-j(э)*. Чаще всего встречается сложение в сочетании с суффиксацией (иногда его называют

¹⁷ Лат. буквой *i* обозначается интерфикс.

¹⁸ Суффикс — s, префикс — pr, флексия — f.

сложносuffixальным способом образования). Обычно суффикс материально выражен: *разн-о-языч-н(ый)*, *тысяч-е-лет-н(ий)*, *корм-о-разбрасыва-тель*, но может быть и нулевым: *син-е-глаз-ø(ый)*, *сен-о-кос-ø*, *скал-о-лаз-ø*, *густ-о-бров-ø(ый)*. Второй, опорный компонент таких сложных слов грамматически оформляется с помощью суффиксов и сопровождающих их флексий.

Иногда процесс сложения основ проходит в сочетании с префиксацией и суффиксацией. Подобная комбинация словообразовательных средств обычно используется при образовании сложных наречий: *в-тр-и-дорог-а*, *в-пол-ø-глаз-а*, *в-пол-ø-сил-ы*.

Очень редко (в основном в глагольном словообразовании) встречается сложение в сочетании с префиксацией — *о-плод-о-творить*.

Словообразовательное изучение сложного слова связано с решением многих трудных вопросов. Важнейшими из них являются определение самого понятия **сложное слово**, характеристика отношений между семантическими компонентами сложного слова и выделение оснований для классификации сложных слов.

Аббревиация

Аббревиация — это способ образования сокращенных и сложносокращенных слов. Образуются они путем объединения усеченных частей основ нескольких слов, а также усеченных частей основ с целыми словами: *тепловая электроцентральный — ТЭЦ*, *государственная экзаменационная комиссия — гэк*, *автоматизированная система управления — АСУ*, *автотранспортная экспедиционная контора — авто-ТЭК*, *спортивный клуб — спортклуб*, *специальный корреспондент — спецкор*.

Как способ образования аббревиация особенно активно стала использоваться после 1917 г. В начале XX в. в русском языке насчитывалось несколько десятков аббревиатур, в настоящее время, по данным Д. И. Алексеева, их не менее 70 тысяч. Такая продуктивность аббревиации объясняется следующим: 1) при минимальной затрате усилий аббревиатура передает максимум информации, что соответствует существующей в языке тенденции к экономии

языковых средств; 2) нередко аббревиация позволяет создать цельнооформленное слово там, где раньше использовалось лишь описание понятия: *театр юного зрителя* — *ТЮЗ*, *конструкторское бюро* — *КБ*, *главный бухгалтер* — *главбух*.

Производящей базой при аббревиации может быть либо словосочетание (чаще всего), либо слово (обычно в разговорной речи: *медицинская сестра* — *медсестра*, *магнитофон* — *маг*, *хорошо* — *хор*).

В качестве словообразовательного форманта используется произвольное (безразличное к морфемному членению) усечение основ входящих в мотивирующее словосочетание слов. При этом последнее слово может и не сокращаться вовсе.

Приемы сокращения слов в русском языке довольно разнообразны. Это обуславливает наличие различных по своему строению аббревиатурных образований. Выделяется несколько основных структурных видов аббревиатур.

Инициальные аббревиатуры — звуковые (*МОК* — *международный олимпийский комитет*, *НИИ* — *научно-исследовательский институт*) и буквенные (*ЭВМ* [э-вэ-эм] — *электронно-вычислительная машина*, *ЛДПР* [эл-дэ-пэ-эр] — *либерально-демократическая партия России*, *ЦДК* [цэ-дэ-ка] — *Центральный дом кино*). Создаются они без определенной словообразовательной модели. Отличаются неупорядоченной структурной организацией по отношению к источникам образования. Нередко совершенно одинаковые по внешнему виду и по структуре аббревиатуры обозначают имена собственные и нарицательные, одушевленные и неодушевленные, конкретные и абстрактные: *БДТ им. А. С. Пушкина* — *Большой драматический театр им. А. С. Пушкина*, *мнс* — *младший научный сотрудник*, *ГАИ* — *государственная автомобильная инспекция*.

Слоговые аббревиатуры. Возникают из сочетания начальных частей слов: *диалектический материализм* — *диамат*, *линкор* — *линейный корабль*, *полпред* — *полномочный представитель*, *нардеп* — *народный депутат*.

Выщербленные аббревиатуры. Образуются из начальной части первого слова и конечной части второго: *мопед* — *мотоцикл* и *велосипед*, *мotelь* — *моторизо-*

ванный *отель*, *торгпредство* — *торговое представительство*. Слова этого типа иногда называют телескопическими.

Аббревиатуры смешанного типа. Создаются в результате соединения разных способов образования аббревиатур: звукового и буквенного, инициального и слогового — *педвуз* (слоговой + звуковой), *ЦСКА* [цэ-эс-ка] (буквенный + звуковой), *завуч* (слоговой + звуковой).

Все типы аббревиатур в настоящее время очень продуктивны. Особенно широко они используются при образовании новых имен существительных.

В последние десятилетия в массовом порядке создаются не только звуковые, буквенные, слоговые и выщербленные аббревиатуры, но появляются и новые типы сокращенных слов. Например, названия, состоящие из наборов осколков морфем и не совпадающие полностью с базовыми словосочетаниями — *Главмосинжстрой* — ‘Главное управление по строительству инженерных сооружений в г. Москве’. Такие необычные слова из цепочек осколков морфем чаще всего возникают в сфере терминологии и номенклатурных наименований, откуда они проникают в общеупотребительную лексику.

Широкое распространение слов типа *спец*, *уд*, *зав* привело к выделению из аббревиации нового способа словообразования, который в лингвистической литературе получил название “**усечение**”. Процесс усечения охватывает преимущественно длинные слова, состоящие из двух корней, либо усложненные однокорневые конструкции: *кинматограф* — *кино*, *таксомотор* — *такси*, *специалист* — *спец*. Высокая частотность употребления подобных слов вызывает потребность уменьшить их звуковой состав.

Интересно, что усеченные слова образуются на базе лишь двух частей речи — имен существительных и прилагательных. Эти части речи, по мнению Ж. Марузо, легко подвергаются усечению благодаря разнообразию своего морфологического состава. Обычно сокращается либо начало, либо середина, либо конец производящего слова: *фарц* — *фарц(овщик)*, *плитка* — *(электро)-плитка*, *рация* — *ра(диостан)-ция*. Иногда начало и конец слова сокращаются одновременно: *тол* — *(тринитро)-тол(уол)*.

Усеченные слова, как правило, обладают значительно большей экспрессивностью по сравнению с их полными прототипами, поэтому чаще всего они возникают в речи молодежи, стремящейся неординарно именовать обычные и привычные вещи: *магнитофон* — *маг*, *рок-н-ролл* — *рок*, *саксофон* — *сакс*. Не исключено, что часть усеченных слов проникает в русский язык и путем заимствований. Слова, образованные путем абсолютно произвольного усечения основы, есть во многих европейских языках. Во французском языке, например, усеченные слова относятся к группе слов с постоянно пополняющимся составом, а в английском языке усечение — это самый характерный тип сокращения слов.

Единицы, появляющиеся в результате объединения усеченных частей нескольких слов или частей и полных слов, не являются чем-то новым в плане содержания. Их значение соответствует значению соотносительных неоднословных наименований (*СКБ* — специальное конструкторское бюро, *Литфонд* — литературный фонд). Параллельное употребление аббревиатур и полных наименований для обозначения одного и того же реального факта свидетельствует о том, что сложносокращенные слова не являются самостоятельными лексическими единицами. Чаще всего они выполняют лишь вспомогательные функции: используются как краткий, однословный вариант наименований, состоящих из нескольких слов. Однако степень зависимости аббревиатур от полных наименований бывает разной. Нередко аббревиатуры отрываются от исходных словосочетаний и употребляются как самостоятельные слова (*прораб*, *ЗАГС*, *ГУМ*, *ЦУМ*, *МАЗ*, *ЗИЛ*).

Отдельные сложносокращенные слова могут находиться в особых отношениях с теми объединениями слов, на базе которых они появились. Так, материальный состав слова *лавсан* соотносителен с начальными звуками слов, входящих в составное наименование “Лаборатория высокомолекулярных соединений Академии наук”, однако данное слово не является носителем того содержания, которое заключено в этом составном наименовании. Слово *лавсан* функционирует вне связи с указанным объединением слов. Фактически оно не функционирует как аббревиатура.

Лишь по источнику своего происхождения это аббревиатурное образование.

Универбация

Универбация (семантическая конденсация) — это способ образования новых слов на базе устойчивых словосочетаний. Суть его заключается в устранении диалектического противоречия между формой и содержанием: двучленностью наименования и единством его значения.

В качестве производящей базы обычно используется не все словосочетание, а лишь основа одного слова. Как правило, выбирается компонент, в котором содержится основная информация — *тушен(ое) мясо* → *тушенка*, *грузов(ой) автомобиль* → *грузовик*, *мотор(ная) лодка* → *моторка*. В процессе образования данных слов участвуют суффиксы с предметным значением (-к-, -ик-). В каждом слове они обозначают тот конкретный предмет, который в базовом сочетании определяется именем существительным.

Образование новых слов путем универбации (семантической конденсации) не является чем-то принципиально новым для русского словообразования. Такая модель словопроизводства (*Литератур(ная) газета*) + -к(а) → “*Литературка*”) русскому языку известна давно (ср.: *треугольная шляпа* → *треуголка*, *касторовое масло* → *касторка*, *винтовое ружье* → *винтовка*). Однако в последнее время она особенно активизировалась. Среди слов-неологизмов, собранных в словаре-справочнике “Новые слова и значения” под ред. Н. З. Котеловой, очень много слов-универбов.

Их появление и распространение в языке объясняется стремлением носителей языка к экономии речевых средств. Любое слово-универб является более кратким средством выражения, чем соответствующее ему устойчивое словосочетание.

Продуктивность универбации (семантической конденсации) как способа образования новых слов особенно высока в разговорной речи (РР). Оттуда слова-универбы проникают и в кодифицированный литературный язык (КЛЯ). Такое направление движения новых лексем (из РР → КЛЯ) соответствует действующей в языке вообще и в сло-

вообразовании в частности тенденции к демократизации языковых средств.

Субстантивация

Субстантивация (*конверсия* от лат. *conversio* — ‘обращение’) — это регулярный переход прилагательных и причастий в имена существительные, в результате которого образуются новые лексемы.

Словообразовательным формантом при субстантивации является система флексий мотивированного слова, представляющая собой часть системы флексий мотивирующего слова. Ср.: *столовая комната, мороженое мясо* парадигма прилагательных *столовая* и *мороженое* состоит минимум из 24 словоформ, в то время как в парадигме имен существительных *столовая* и *мороженое* объединяются лишь 12 словоформ. В процессе субстантивации парадигма причастия или прилагательного преобразуется не только количественно, но и качественно: зависимые флексии имен прилагательных или причастий преобразуются в независимые аффиксы имен существительных.

Существует несколько разновидностей субстантивации: собственно-языковая (полная и неполная) и контекстуальная. Собственно-языковая субстантивация характеризуется определенной закрепленностью в языке и словаре. Она охватывает случаи как полного, так и частичного перехода причастий или имен прилагательных в имена существительные. При полной субстантивации слово утрачивает все свои связи с адъективной или глагольной системами и целиком переходит в разряд имен существительных (*портной, вожатый, лесничий*), о происхождении которых напоминает лишь особое грамматическое оформление. При неполной субстантивации прилагательное или причастие как бы расщепляется на две лексические единицы. Одна из них выполняет свои первичные функции (*слепой человек, учительская комната, трудящиеся массы*), вторая используется в языке как имя существительное (*слепой, учительская, трудящиеся*).

Контекстуальная (или окказиональная) субстантивация, в отличие от собственно-языковой, существует только на уровне определенного контекста, в условиях которого

прилагательное или причастие приобретает свойства и качества имени существительного: *Открывать **неизведанное** всегда рискованно* (В. Песков). *Здесь варвары на земли Рима запечатлели свой набег. Но все равно — **плывущий** мимо прекрасней **ставшего** на брег* (Д. Самойлов).

Переход прилагательных и причастий в имена существительные — явление, широко распространенное в современном русском языке. Это типизированная разновидность морфолого-синтаксического способа словообразования. Относится она к области синтаксической деривации, ибо в процессе субстантивации образуются лексемы, равные в семантическом отношении своим производящим, но отличающиеся от них новым грамматическим оформлением.

Сращение

Сращение — это способ словообразования, относящийся к области лексико-синтаксического словообразования. Представляет собой типизированную разновидность лексикализации словосочетаний, для осуществления которой достаточно одного временного среза. В синхронном словообразовании используется при образовании только одной части речи — имен прилагательных: *мало знакомый* → *малознакомый*, *выше изложенный* → *вышеизложенный*, *долго играющий* → *долгоиграющий*, *сильно действующий* → *сильнодействующий*.

Сращение как способ образования отличается от сложения тем, что слова, образованные способом сращения, полностью повторяют морфемный состав словосочетаний, на базе которых они возникают.

В качестве словообразовательного форманта при сращении выступает закрепленный порядок компонентов: в препозиции всегда подчиненный компонент и единое главное ударение на основном компоненте.

Морфемный и словообразовательный анализ слова

Определение морфемного состава слова и его словообразовательной структуры — это взаимосвязанные планы описания лексических единиц разных грамматических

классов. Вместе с тем это отличающиеся друг от друга по своим задачам характеристики слова.

В ходе морфемного анализа устанавливается морфемный состав слов и словоформ. Выделение морфем сопровождается их характеристикой: определяются значения морфем, указывается их принадлежность к определенному типу в зависимости от роли в словоформе (корневые/аффиксальные), выполняемой функции (словоизменятельные/словообразовательные) и места, занимаемого в слове или словоформе по отношению к корню (префиксальные, интерфиксальные, суффиксальные, постфиксальные).

Методика проведения морфемного анализа в лингвистической литературе представлена неоднозначно. Слова членятся на минимальные значимые части с помощью различных приемов, выбор которых зависит от позиции исследователя, его подхода к изучению морфемного строения лексических единиц.

В современной лингвистике существуют три основных принципа морфемного анализа слов: принцип “двойного сравнения”; принцип членимости, предложенный А. И. Смирницким; принцип производности, опирающийся на критерий Г. О. Винокура.

Принцип “двойного сравнения” требует: 1) вхождения слова в ряд слов с той же корневой морфемой; 2) одновременного вхождения слова в ряд слов с теми же аффиксальными морфемами. Ср.:

рез-чик, резь-ба, рез-а(ть), рез-ец, раз-рез...

рез-чик, развед-чик, перевод-чик, переплет-чик...

о-цен-и(ть), цен-и(ть), цен-а, рас-цен-к(а), о-цен-к(а)...

о-цен-и(ть), о-форм-и(ть), о-свобод-и(ть), о-крыл-и(ть)...

Этот принцип учитывает только формальные связи языковых единиц. Он лишен всяких семантических оснований и ориентирует преимущественно на форму выражения. По природе своей он несколько односторонен. Руководствуясь им, мы можем и в слове *веник* выделить *-ник* (ср. *чай-ник, кофей-ник*); а в слове *куртк(а)* — *-к(а)* (ср. *тетрад-к(а), табурет-к(а), нит-к(а)*). Частичное звуковое совпадение лексем — явление, весьма распространенное в языке. Однако часто оно имеет случайный характер (ср. *чечевица — рукавица*) и не может служить достаточным

основанием для выделения в структуре слов морфем — единиц, не только формально выраженных, но и значимых.

Принцип членимости, предложенный А. И. Смирнички-м, допускает выделение минимальных структурных частей слова при соблюдении следующих условий: 1) вхождение слова с данной основой в ряд слов с любой отождествляемой частью; 2) наличие некоторого звукового остатка: *ра-дуг(а)* — см. *дуг(а)*, *мал-ин(а)* — см. *смород-ин(а)*.

Использование этого принципа значительно расширяет круг членимых, но непроеизводных слов. Опирается он на субъективные языковые ассоциации и тоже формален в своей основе.

Принцип производности базируется на глубинном словообразовательном анализе цепочки однокорневых слов, последовательно выводимых друг из друга. Сначала мы удаляем словоизменятельные аффиксы и выделяем основу. Затем, опираясь на критерий Г. О. Винокура, мы устанавливаем формальные и словообразовательные связи слова. На основании этих связей, сравнивая производные слова с производящими, мы последовательно выделяем словообразовательные аффиксы в составе основы.

частотн-ость(ø) ← *частотн(ый)*
 ‘признак, свойство *частотного*’

частот-н(ый) ← *частот(а)*
 ‘имеющий отношение к *частоте*’

част-от(а) ← *част(ый)*
 ‘признак, качество или свойство *частого*’

част(ый) — непроеизводное слово, основа его совпадает с корневым морфем, который выделяется на фоне родственных слов (*част(ый)*, *част-от(а)*, *част-ник*, *чащ-ø(а)*, *за-част-и(ть)*...). В соответствии с приведенным анализом мы можем представить морфное строение слова *частотность* следующим образом — *част-от-н-ость(ø)*. Каждый морф в данном слове выделен осмысленно, обоснованно и, главное, доказательно.

Все описанные нами принципы преследуют одну и ту же цель: определить минимальные значимые части слова

(или словоформы), но нередко дают разные результаты. Используя принцип “двойного сравнения”, в словах *шнуровка*, *путевка*, *винтовка*, *шифровка* мы выделим суффикс -овк- (ср.: *шнур-овк(а)*, *шнур-ова(ть)*, *шнур*, *за-шнурова(ть)* и *шнур-овк(а)*, *лист-овк(а)*, *зубр-овк(а)*, *кросс-овк(и)*). Но если мы обратимся к принципу производности и исследуем словообразовательные связи данных слов, то в составе их основ мы обнаружим не один, а два суффиксальных морфа — *шнур-ов-к(а)* (от *шнур-ова(ть)*, *шнурова(ть)* от *шнур*), *пут-ев-к(а)* (от *путевой (лист)*, *путев(ой)* от *путь*), *винт-ов-к(а)* (от *винтовой (винтовое ружье)*, *винт-ов(ой)* от *винт*), *шифр-ов-к(а)* (от *шифрованн(ый)* (*шифрованное письмо*), *шифрова-нн(ый)* от *шифровать*, *шифр-ова(ть)* от *шифр*).

Принцип производности и принцип членимости позволяют разделить основы слов *театрал*, *урожай*, *секира* на структурные части: *театр-ал* (‘человек, любящий *театр*’), *урож-ай* (ср. *урож-енец*), *сек-ир(а)* (‘то, чем *секут*’). А принцип “двойного сравнения” не допускает их деления. В соответствии с ним основы данных слов нечленимы, так как все выделенные нами отрезки уникальны, они не повторяются в рядах слов. Зависимость результатов членимости слов от выбранной методики морфемного анализа очевидна. Следовательно, процесс выделения структурных частей слова в значительной степени субъективен. Относительно объективные результаты, на наш взгляд, могут быть получены лишь при дифференцированном подходе к изучению морфемного состава слов (и словоформ). Нельзя все многообразие структурных форм, существующих в русском языке, исследовать при помощи методики, базирующейся только на каком-то одном из названных нами принципов.

Морфемный анализ производных слов должен основываться на принципе производности. Этот принцип учитывает формальные и семантические связи производных единиц. Он позволяет точно и объективно устанавливать состав морфем в структуре производного слова (или словоформе производного слова), их значение и структурные функции.

Морфемный анализ непроеизводных слов может опираться либо на принцип членимости, предложенный

А. И. Смирницким, либо на принцип “двойного сравнения”. Принцип членимости хорошо “работает” при анализе слов с односторонней сопоставимостью (обычно это слова с унирадиксоидами и унификсами) — *лак-ей, жок-ей, пигм-ей*. Принцип “двойного сравнения” эффективно может быть использован для выделения корневых морфов и асемантем. Ср.:

леж-а(ть), леж-к(а), леж-бищ(е), леж-ак...

леж-а(ть), чит-а(ть), пис-а(ть), дум-а(ть).

Одну из задач морфемного анализа составляет описание структурных форм слова. Структурные схемы слов, словоформ и основ с точки зрения количества представленных в них аффиксальных последовательностей разнообразны. В русском языке представлены слова, состоящие из одной корневой морфемы (*тут, даже, там, в, у, ли*), из корня и словоизменительного аффикса (*вол-я, полз-ти, зелен-ый, ст-о*). Рядом с ними существует большое количество слов (и словоформ) с более сложным строением: *в-дум-ива-ть-ся, по-на-гряз-н-и-в*.

В “Русской грамматике” только среди слов (словоформ) с одним корневым морфом выделяется 57 типов морфного строения. А количество структурных типов слов (словоформа с двумя корневыми морфами вообще потенциально не ограничено: *лед-о-ход-о, пол-у-улыб-к-а, сам-о-рас-кры-ва-ть-ся*). Для русского языка наиболее характерными являются трех-четырехморфные последовательности *пере-прыг-ива-ть, романт-изм, про-руб-и-в*.

Этимологический анализ

При словообразовательном и морфемном анализе устанавливаются структурно-семантические и грамматические признаки, присущие слову в настоящее время. Изменения же, происходящие в морфемно-словообразовательном строении слов, выявляются путем этимологического (исторического) анализа. Учет исторических данных при определении современной структуры слова чрезвычайно важен. Структурно-словообразовательные характеристики слов с течением времени могут меняться. В процессе развития языка нередко утрачиваются такие свойства слов, как производность и членимость. В результате изменения границ

между морфами в составе слова образуются новые структурные части слов. При переходе слова из одной части речи в другую меняется функциональная нагрузка отдельных морфем. Исторические изменения в морфемно-словообразовательной структуре слова по своему характеру довольно разнообразны. К важнейшим из них относятся опрощение, переразложение, усложнение и декорреляция.

Опрощение — это процесс превращения производного слова в непроизводное. Результат его — слияние в одну корневую морфему значимых частей основы ранее производного слова. Опрощению подвергались многие слова русского языка, напр.: *дровн(и)* — ист. *дров-н(и)*, *дул(о)* — ист. *ду-л(о)*, *жаворонок* — ист. *жаворон-ок*, *закон* — ист. *за-кон*, *запад* — ист. *за-пад*, *знак* — ист. *зна-к*, *колес(о)* — ист. *коле-с(о)*, *копыт(о)* — ист. *коп-ыт(о)*, *лопат(а)* — ист. *лопат(а)*, *коршун* — ист. *корш-ун*, *душн(ый)* — ист. *душ-н(ый)*, *жесток(ий)* — ист. *жест-ок(ий)*, *жидк(ий)* — ист. *жид-к(ий)*, *даром* — ист. *дар-ом*, *набекрень* — ист. *на-бекрень*, *коричнев(ый)* — ист. *кор-ич-н-ев(ый)*, *дотла* — ист. *до-тла*, *зазубрин(а)* — ист. *за-зубр-ин(а)*, *погод(а)* — ист. *погод(а)*.

Первым исследователем опрощения как лингвистического явления был русский филолог В. А. Богородицкий. Он не только раскрыл суть этого процесса, но и выявил основные причины его возникновения. Главнейшая из них — утрата производным словом своего первоначального значения. Так произошло, например, с прилагательным *красный*, образованным от слова *краса*. Оно утратило свое первоначальное значение ‘красивый’, стало обозначать один из основных цветов радуги и потеряло признаки производного слова. Там, где слово теряет семантические связи с исторически родственными словами, корень перестает выполнять свою объединяющую роль, сливается с аффиксами в одну морфему и становится вместе с ними новым корнем. Ослабление же семантических связей производного слова со значением непроизводного затемняет производный характер слова (ср. *белье* — *белый*, *тот час* — *тотчас*).

Переразложение — это процесс перемещения границ между морфами в составе слова. Впервые отмечен и описан

И. А. Бодуэном де Куртенэ. В результате этого процесса происходит объединение аффиксальных морфов: вместо двух разных аффиксов появляется один. Например, слова *точилка*, *мешалка*, *веялка*, которые характеризуются теперь как отглагольные образования с суффиксом *-лк-*, появились на базе существительных на *-л(о)*. Путем слияния суффиксов *-л-* и *-к-* образовался суффикс *-лк-*. В глаголе *обессилеть* в связи с утратой слова *бессилеть* в настоящее время выделяется приставка *обес-*, появившаяся в результате слияния приставок *о-* и *бес-*. Глагол *обессилеть* в современном русском языке мотивируется словом *сила* и является префиксально-суффиксальным образованием (*обес-сил-е(ть)*). Суффикс *-лиц-*, выделяемый ныне в слове *удиллице*, также представляет собой продукт слияния суффиксов *-л-* и *-ищ-* (утрачено слово *удило*). В результате переразложения появляются новые суффиксальные морфемы или их разновидности.

Усложнение — зеркальное отражение опрощения. В результате усложнения происходит процесс превращения ранее непроеизводной основы в производную (не случайно это явление иногда называют редеривацией, рекомпозицией или обратным словообразованием).

Чаще всего усложнению подвергаются слова, заимствованные русским языком из других языков. Причины усложнения кроются в особенностях освоения заимствованного слова языковой системой. Так, некоторые слова начинают члениться в результате установления словообразовательных связей с другими родственными словами. Например, в слове *почтальон*, пришедшим в русский язык из французского, стали выделяться корень *почт-* и суффикс *-альон*, поскольку возникло соотношение *почтальон* — *почта* (последнее было заимствовано русским языком из польского). Иногда усложнение основы происходит под влиянием продуктивных словообразовательных морфем русского языка, случайно совпадающих по звучанию с частью заимствованного слова. Заимствованное из голландского языка слово *зонтик* стало члениться на корень *зонт-* и суффикс *-ик*, поскольку в русском языке оно попало в ряд уменьшительно-ласкательных слов типа *садик*, *столик*, *котик*.

Декорреляция обычно определяется как “изменение характера или значения морфем, которое в нем наблюдалось первоначально”¹⁹. Декорреляция не меняет внешнюю структуру слова, но приводит к установлению новых мотивационных отношений или к изменению функций аффиксальных морфем. Так, для слов *война*, *заморозки*, *научный* производящими (при конкретно-историческом анализе) изначально являются слова *вои* (‘воин’), *заморозы* (‘первые морозы’) и *научить*. А в современном русском языке отношения словообразовательной производности между словами *война* — *вои*, *заморозки* — *заморозы*, *научный* — *научить* воспринимаются как устаревшие, поскольку возникают новые семантические связи и новые мотивационные отношения: *война* — *воевать*, *заморозки* — *заморозить*, *научный* — *наука*.

Изменение функций аффиксальных морфем — превращение словоизменительных морфем в словообразующие — наблюдается чаще всего у прилагательных и наречий. Современные прилагательные типа *спелый*, *колючий*, *лежащий* первоначально создавались как формы причастий, но в настоящее время они воспринимаются как самостоятельные производные слова и выделяемые в их структуре суффиксы *-л-*, *-уч-*, *-ач-* квалифицируются как словообразовательные морфемы. Аналогичные изменения произошли и в структуре наречий типа *летом*, *шагом*, *весной*, *ночью*. Возникшие из форм творительного падежа ед. ч. соответствующих имен существительных, они рассматриваются в настоящее время как производные слова, в образовании которых принимают участие суффиксы (не окончания!) *-ом*, *-ой*, *-у*.

¹⁹ Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968. С. 231.

МОРФОНОЛОГИЯ

Общие сведения

Морфонология — один из самых молодых разделов языкознания. Термин представляет собой соединение двух слов: *морфология* и *фонология*; *морфофонология* в результате гаплогонимии приобрела вид *морфонология*. Изучение фонологической системы языка обнаружило специфические закономерности поведения фонем в пределах морфем, особенно на их границах, т. е. при соединении их друг с другом в слове. Напр., при одной и той же линейной расположенности сочетания [т'с'] в словах *купаться* и *пяться* звучат неодинаково: [купáц'ʌ] — [п'át'с'ʌ]. Это объясняется различием их позиции: при общности второго элемента (начального [с'] возвратного аффикса) первый [т'] в одном слове является инфинитивным аффиксом, а в другом — конечной согласной корня²⁰. Прилагательные *дружеский* и *отцовский* образуют наречия с суффиксом *-и* (*дружеск-и*, *отцовск-и*), а прилагательные *броский*, *тряский* — с суффиксом *-о* (*броск-о*, *тряск-о*), хотя та и другая пара в конце основы содержит одинаковое сочетание фонем [ск]. Но в первой паре названное фонемное сочетание входит в состав одного морфа — суффикса *-ск-*, а в прилагательных *броский*, *тряский* первая часть этого фонемного сочетания принадлежит основам *брос-*, *тряс-*, а вторая представляет собой аффикс *-к-* (он выступает также в прилагательных *мыл-к-ий*, *ход-к-ий* и т. п.). Наречия с морфом *-к* образуются от прилагательных с суффиксом *-ск-*, а не от прилагательных с исходом основы на фонемное сочетание [ск]²¹.

Связи фонологии с морфологией многообразны. Наличие различных фонем в составе морфов в одних случаях выступает как средство разграничения разных морфем, а в других выполняет прямо противоположную функцию, т. е.

²⁰ Реформатский А. А. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии) // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 102. (В примерах сохранена авторская транскрипция.)

²¹ Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. С. 158.

отождествляет морфы. Ср., с одной стороны: *гать* — *жать*, *гну* — *жну*, *гурьба* — *журьба*, *гадина* — *жадина*, *греческий* — *жреческий*, с другой: *снег* — *снежок* — *снежный*, *друг* — *другок* — *дружный*. В первом случае фонемы [г] и [ж] являются единственными различителями разных словоформ. А во втором они свидетельствуют о тесном родстве слов. Это родство основано прежде всего на общности значения. Оно поддерживается наличием в языке других “родственников”, имеющих такое же либо подобное различие: *луг* — *лужок*, *юг* — *южный*, *река* — *речка* — *речной*, *соха* — *сошник* и т. п. Морфы каждого такого ряда различаются фонологически, но совпадают в плане морфологическом.

Выделение морфонологии в самостоятельный раздел языкознания связано с именем Н. С. Трубецкого, который в 1931 г. в одной из своих работ достаточно четко наметил круг ее задач. По мнению ученого, объектами морфонологии должны быть: 1) фонологическая структура морфем, 2) комбинаторные звуковые изменения, которым подвергаются отдельные морфемы в морфемных сочетаниях, 3) звуковые чередования, выполняющие морфологическую функцию²². Из этих трех задач первая признается имеющей значение для всех языков. Она и получает наибольшую конкретизацию. В языках, где имеются различные типы морфем, необходимо определить специфические структуры каждого из них. Так, в славянских языках многообразием структурных типов отличаются корневые морфемы; определенное количество типов звуковой структуры характерно для окончаний, префиксальных и суффиксальных морфем. Ученый также обращает внимание на неоднородность звуковых чередований в русском языке, необходимость разграничения их рядов, с одной стороны, в именных формах, с другой — в глагольных.

Разработка проблем морфонологии, намеченных Н. С. Трубецким, в русском языкознании получила дальнейшее развитие. Несколько расширились и более точно

²² В русском переводе статья “Некоторые соображения относительно морфонологии” появилась намного позднее, она была напечатана в сборнике “Пражский лингвистический кружок” (М., 1967).

определились ее задачи. При этом большое внимание было уделено тем, которые сформулированы Н. С. Трубецким во втором и третьем пунктах. Это чередования фонем в разных морфах одной и той же морфемы, представленные в однокорневых словах и их формах. Такие чередования имеют место преимущественно на стыке морфем (на морфемном шве). Поэтому данную задачу морфонологии определяют как установление “правил соединения морфов в слове, т. е. условий взаимоприспособления (варьирования) морфов при их объединении”²³. Третья задача касается лишь стыка морфем: определяются “пограничные сигналы”, т. е. сочетания двух фонем, невозможные в пределах одной морфемы, следовательно, свидетельствующие о морфемном шве. Так, в одной морфеме русских слов не бывают двойные согласные (геминаты), кроме *жж* и *сс* (ср.: *возжжи*, *ссора*; поэтому отчетливо выступает иноязычный характер слов типа *аллея*, *ванна*, *масса* и т. п.). Неизвестны и сочетания согласных, близких по месту и способу образования, напр.: *пб*, *пф*, *бп*, *дт*, *пв*, *бв*, *мв*, *нв* и другие (в отсутствии этих сочетаний в начале слов легко убедиться, просмотрев любой словарь русского языка). Это позволяет установить наличие морфемного стыка посередине таких сочетаний, напр.: *со[н-н]ый*, *по[д-д]анство*, *о[т-т]аять*, *ся[т'-т']е*, *о[б-в]ал*, *о[б-в]арить*, *о[п-п]ачкать* и т. д.

Таким образом, круг задач морфонологии определяется изучением фонемной структуры морфем, морфонологических чередований и “пограничных сигналов”.

Объектом морфонологии, как и словообразования и словоизменения, являются минимальные значимые части слов — морфы и морфемы. Учение о морфах и морфемах называется **морфемикой**. Имея один и тот же объект, разделы морфемики изучают этот объект с разных точек зрения. Если морфонология рассматривает строение морфов и правила их сочетаемости в слове, то словообразование и словоизменение — функционирование морфем.

Морфонология оперирует терминами *морф*, *морфема*, *алломорф*, *вариант морфемы*, *морфонема*, а также *субморф*.

²³ Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. С. 77.

Обозначая минимальную значимую часть слова, морф и морфема находятся в таком же соотношении, как звук (или фон) и фонема, т. е. **морф** — это конкретная языковая единица, а **морфема** — обобщенная.

Морфы, совпадающие по значению, но имеющие в звуковом составе различия, которые объясняются их позицией в слове, являются **алломорфами** одной и той же морфемы. Примерами алломорфов могут служить корневые морфы в словах *бумаг-а* — *бумаж-ка* — *бумаж-ный*, *рук-а* — *руч-ка* — *руч-ной*, *мох* — *ми-истый* и т. д. Одна из характерных черт алломорфов состоит в том, что они находятся в отношении дополнительной дистрибуции (дополнительного распределения, т. е. в слове может быть представлен лишь один из алломорфов; напр., в *бумага* — только алломорф *бумаг-* при невозможности *бумаж-*, ср. отсутствующее в языке *бумажа*, в *бумажный* — только *бумаж-* при невозможности *бумаг-*, ср. отсутствующее в языке *бумажный* и т. п.).

Между **вариантами** одной и той же **морфемы** при тождестве значения имеется фонетическое различие, которое, однако, не связано с позицией: в одной и той же позиции может выступать каждый из вариантов. Следовательно, между ними существуют отношения свободного варьирования. Один из ярких примеров вариантов морфемы: флексии *-ой* и *-ою* в творительном падеже ед. ч. имен существительных, прилагательных (*березой* — *березою*, *белой* — *белою*). Вариантами одной морфемы являются суффиксы прилагательных *-ошеньк-* и *-охоньк-* (*белешенький* — *белехонький*).

При известных различиях между алломорфами и вариантами морфемы их объединяет то, что как одни, так и другие характеризуются тождеством значения.

Морфонема — это совокупность фонем, которые чередуются в алломорфах одной морфемы. В разных формах одного и того же слова, а также при образовании от него новых слов одна и та же морфема может оказываться в соседстве с разными морфемами, неодинаковыми по своему качеству, и в связи с этим изменять свой звуковой состав. Так, в словоформах *свет*, *светить*, *свечение*, *освещение*

корневая морфема выступает в морфах *све*[т]-, *све*[т']-, *све*[ч']-, *све*[ш']-, где представлена морфонема {т — т' — ч' — ш'}; в корневой морфеме словоформ *благородный*, *облагородить*, *облагороженный*, *облагораживать* имеются две морфемы: {д — д' — ж} и {о — а}, в префиксальной морфеме словоформ *подданный*, *поддетый*, *подписанный* — морфонема {д — д' — т} и т. д.

Содержащаяся в термине **субморф** латинская приставка *sub* 'под' указывает на несамостоятельный, подчиненный характер того, что обозначено другой частью этого слова. Это как бы псевдоморф, или, по крайней мере, морф неполноценный. Неполноценность субморфа состоит в том, что сам по себе он не имеет самостоятельного значения. Семантически субморф неотделим от морфа, составляет его часть, субморф участвует в выражении значения, собственного морфу в целом, но в плане морфонологическом субморф отделяется от "материнского" морфа и приобретает самостоятельность. С морфами субморфы объединяют такие черты: субморфы состоят из тех же фонем или сочетаний фонем; в них наблюдаются такие же чередования, как в морфах. Следовательно, отличаясь от морфов отсутствием самостоятельного значения, субморфы совпадают с ними по форме. Субморф — единица более низкого уровня, чем морф. Субморфы выделяются лишь потому, что существуют общие с ними по формальному составу морфы, с которыми их роднят одинаковые чередования. Напр., в словах *кон/еи*, *нем/еи* выделяется субморф *-еи*, поскольку в словах *молод-еи*, *куп-еи* и подобных имеется суффиксальный морф *-еи*. На границе морфа *-еи* и субморфа *-еи* имеют место одинаковые чередования *е/ѳ*, *и/ч*; ср.: *молод-еи* — *молод-и-а*, *куп-еи* — *куп-и-а*, а также *кон/еи* — *кон/и-а*, *огур/еи* — *огур/и-а*, *нем/еи* — *нем/и-а*; *молод-еи* — *молод-ч-ик*, *куп-еи* — *куп-ч-ик*, а также *кон/еи* — *кон/ч-ик*, *огур/еи* — *огур/ч-ик*, *нем/еи* — *нем/ч-ик*.

Многие субморфы когда-то были морфами, но с течением времени в результате опрощения превратились в часть других морфов. Так, современная целостная корневая морфема *конец* исторически образовалась из сложения корня *кон-* и суффикса *-иць (-еи)*; в слове *немец* исторически корень тот же, что в слове *немой*. Таким образом, мор-

фонологическое членение слова может не совпадать с морфемным.

Субморфами являются и такие элементы, которые служат для морфонологического приспособления двух соседних морфов. Так, *-л-* в слове *сеялка*, *-л'* в слове *читальный* обеспечивают соединение корневых и суффиксальных морфов, поскольку морфы *-к(а)*, *-н(ый)* не могут присоединиться к основе на гласную. Такая же функция *-j-* в *зна-j-у*, *в* в *жи-в-у* (ср.: *зна-ть*, *жи-ть*) и др.

Из трех названных выше вопросов, исследуемых морфонологией, рассмотрим два первых, наиболее важных и наиболее изученных.

Фонемная структура морфем

Одна из основных задач морфонологии состоит в том, чтобы установить численный состав и порядок следования фонем в морфемах, фонемное различие между корневой морфемой, с одной стороны, и аффиксальной — с другой, а также внутри этих категорий.

Корневые морфемы в современном русском языке могут состоять из одного, двух и трех слогов. Большее число слогов имеет место в корнях иноязычных слов. Наиболее типичный для русских корней фонемный состав — от трех до пяти, хотя есть немало корней из двух, а также шести и более фонем, напр.: *да-ть*, *би-ть*; *капуст-а*, *крапив-а*, *шкатулк-а*. Имеются и однофонемные корни, но их сравнительно немного: *-у-* в глаголах *об-у-ть*, *раз-у-ть*, союзы *а*, *и* и др. В знаменательных частях речи различаются именные и глагольные корневые морфемы. Именные морфемы (т. е. имен существительных, прилагательных, числительных, наречий, категории состояния, отчасти — модальных слов) имеют закрытый характер (т. е. оканчиваются на согласный), а глагольные могут быть как закрытыми, так и открытыми (т. е. с гласным в конце), хотя закрытых больше. Корневой минимум имени обычно построен по формуле CVC (C — обозначение консонантной фонемы, V — вокальной): *дом*, *кот*; реже — VC: *ад*, *ус*. Корневой минимум глагола выступает в двух формулах: CV (*да-ть*, *пи-ть*, *жи-ть*) и CVC (*ход-и-ть*, *бег-а-ть*).

Поскольку в русском языке имеется 34 согласных и 5 гласных фонем, теоретически минимальная структура CVC может дать большое количество возможных корневых морфем; если к этому прибавить корневой минимум CV, то это число еще увеличится²⁴. Но в действительности эти потенциальные возможности в языке реализованы далеко не полностью. Помехи на путях этой реализации — различные комбинаторные ограничения. Во-первых, твердые и мягкие согласные способны различать корни лишь в первой консонантной позиции: *мак* — *м'ак*, *мод* — *м'од*, *рад* — *р'ад*, *зов* — *з'ов* и др., а во второй консонантной позиции они могут различать только алломорфы: *боб* — *боб'*, *губ* — *губ'*, *мод* — *мод'* и т. п. Во-вторых, перед фонемой [и] невозможны твердые заднеязычные, а перед фонемами [а], [о], [у] — мягкие заднеязычные. В-третьих, фонема [э] обычно не употребляется после твердых парных, а также в абсолютном начале исконно русских слов, кроме единичных местоимений (*это*, *экий*, *эдакий* и некоторых других). Однако все эти ограничения с лихвой возмещаются тем, что в языке достаточно много корней иных структур. Одни из них от названных выше минимальных отличаются лишь тем, что при наличии одного гласного на месте консонантов имеются сочетания согласных: *свет-*, *страст-*, *дрозд-*, *тряс-*, в других при сохранении закрытого характера представлено больше слогов: это схема CVCVC, изредка CVCVCVC. Здесь на месте консонанта также может выступать их сочетание.

Двусложные и многосложные корни являются простыми, когда они не допускают никакого членения, напр.: *город-*, *человек-*. В противоположность им другие представляются как состоящие из двух (или более) субморфов, следовательно, являются сложными, напр.: *ног-от'*/*ног-т'*, *дос-ок-*/*дос-к-*. В составе простых двусложных имеются

²⁴ Признавая наличие в современном русском языке 37 согласных (т. е. включая в их состав мягкие заднеязычные *г'*, *к'*, *х'*) и 5 гласных фонем, В. Г. Чурганова называет число возможных минимальных корневых морфем — 8664 (Очерк русской морфологии. М., 1973, С. 35, 42). В изложении вопроса о фонемной структуре слова в основном используется материал, содержащийся в этой книге.

корни, отличающиеся спецификой структуры, которая проявляется в полногласии и наличии плавного в центре, напр.: *дерев-*, *берег-*, *голов-*, *здоров-*, *молот-*. Трехсложные простые корни в русском языке немногочисленны; они часто характеризуются гармонией гласных, иногда в них повторяются согласные, ср.: *колокол-*, *перепел-*, *скоморох-*, *сковород-*, *папорот-* и др.

При всем многообразии фонемного состава сложных корней в их структуре обнаруживаются весьма определенные закономерности: сложные корни состоят из двух элементов, из которых первый чаще всего совпадает с элементарной корневой морфемой, а второй — с суффиксальной, выступая в виде VC или C; конечные субморфы отличаются достаточно строгой системностью.

В составе субморфов-завершителей имеются различные согласные. Наибольшим числом слов представлены субморфы-завершители с согласными *к* (*доска, чулок, майка, завтрак, шелк* и др.), *н*, *н'* (*бубен, черный, корень, камень*), *л*, *л'* (*угол, кукла*), *р*, *р'* (*ветер, комар*), *ц* (*палец, огурец, мышца*).

Как отмечалось, на месте консонанта в корне может быть их сочетание²⁵. Однако типы таких сочетаний достаточно ограничены. Корневая морфема может иметь в своем начале два согласных, значительно реже — три. При этом иногда они выступают лишь в неслоговом виде корня (ср.: *лоб* — *лб-а*, *рожь* — *рж-и*). Двухфонемные сочетания в начале корня чаще всего бывают такими: 1) любой согласный (кроме плавного) + сонорный, а также *в* (*тлеть, зрачок, дно, зло, брат* — *хребет, двор, дверь, дьявол, рьяный* и т. д.); 2) фрикативный + смычный; в роли первого консонанта особенно часто выступают свистящие *с*, *з* (*спать, спелый, стадо, здание, здоров, шпарить, штык, шкаф, жбан, впечатление, второй* и т. д.).

Трехфонемные сочетания в слоговых корнях построены по модели: свистящий (шипящий) + смычный (носовой) + плавный (и *в*), напр.: *страна, скромный, скряга, смрад*,

²⁵ Русским корням чуждо сочетание гласных. Исключения единичны: междометия, а также отдельные слова: *паут, паук, плаун, Реутово, оглушить, оплеуха, аист, аир* (Чурганова В. Г. Очерк русской морфонологии. С. 87).

сбруя, здоровый, сплошной, склока, склянка, ствол, сквозь, скверна, шкварки. В неслоговых корнях эти сочетания отличаются большей свободой, напр.: *льст-ить, мст-ить, мзд-а, мгл-а, спл-ю, стл-ать, стл-ище*.

Начальное четырехфонемное сочетание одно: *встреча*. Сочетания согласных на конце корня несколько отличаются от начальных наличием большего числа их. Сочетания из четырех согласных здесь тоже единичны: *черств, монстр*.

Довольно редки сочетания в обеих позициях, напр.: *пласт-, прост-, хваст-, гвозд'-, смотр-, т'в'орд-, столб-, снабж-*. Тройные сочетания в обеих позициях отсутствуют. В корне *страст'* — тройное сочетание в первой позиции и двойное во второй.

Глагольные корни от именных отличаются тем, что в глагольных имеется два типа: закрытый и открытый. Закрытые корни преобладают, по структуре они не отличаются от именных: *пис-а-ть, люб-и-ть, двиг-а-ть, брос-а-ть, говор-и-ть, лепет-а-ть, прост-и-ть* и др. Открытый глагольный корень часто включает две фонемы: *да-ть, жи-ть, ли-ть, ду-ть*. Трехфонемные корни построены по схеме CCV: *зре-ть, зна-ть,плы-ть*. Открытые корни с большим количеством фонем редки. Мало также и однофонемных корней: *об-у-ть, раз-у-ть, о-ка-ть, а-ка-ть* и некоторые другие.

Местоименные корни выступают как однофонемные (напр., *т* — в *тот, та, того* и т. д.; *ј* — в *его, ей, ему*; *к* — в *кто, кого, кому*), двухфонемные (*я, ты, мы, вы*), трехфонемные (*наш, ваш, сам, самый, такой, сякой*). За пределами этих структур находятся лишь единичные корни типа *всякий, каждый*. Господствующими являются двух- и трехфонемные корни.

Служебные слова весьма просты по фонемной структуре.

В составе производных предлогов имеются однофонемные (*к, в, у, о*), двухфонемные (*об, от, на, по*), трехфонемные (*без, над, под; для, при*). Предлоги с большим числом фонем в корневой морфеме типа *ради, перед, через, кроме, между* единичны.

Приблизительно такую же картину представляют сочинительные союзы (ср.: *и, а, да, или* и др.), а также наиболее употребительные непроизводные частицы (*а, и; не, ни, бы, же; лишь, хоть*)²⁶.

Специфика междометных корней заключается в следующем: 1) почти во всех моделях участвуют все гласные русского языка; 2) число консонантов, образующих модели, напротив, весьма ограничено (*х, ү, һ, ј, н, ф*); 3) в трехфонемной модели одна и та же гласная выступает в первой и третьей позициях. Примеры: *а, о, э, у, и; ха, ну, фу, ох, ах, эх, ух, их, ой, ай, эй; ага, ого, угу, эге, ыгы*. Междометия, состоящие из сочетаний одних и тех же либо разных согласных (типа *ш-ш-ш!*; *м-м-м!*; *гм-м-м!*; *бр-р-р!*), не отличаются большой употребительностью.

В сравнении с корневыми аффиксальные морфы меньше по числу компонентов, при этом каждый компонент может быть представлен сравнительно небольшим числом фонем.

Приставки, совпадающие с предлогами, имеют такую же фонемную структуру, как последние. Остальные чаще всего состоят из двух или трех фонем, напр.: *вы-, вз-/взо-, вс-/вос-, раз-, без-* и т. д. Четырехфонемные и пятифонемные единичны: *пере-, недо-, обез-, небез-*.

Более разнообразна фонемная структура суффиксов. Здесь большая амплитуда колебаний между минимальной и максимальной: от одной до восьми фонем.

Именные суффиксы (т. е. суффиксы существительных, прилагательных, собирательных числительных) всегда являются закрытыми. Следовательно, однофонемные состоят из одного консонанта, напр.: *резь-б-а, мет-л-а, генераль-ш-а, ли-т-ой, нев-ч-ий, круг-л-ый, рва-[н'], баб-ј-о* и др. Большинство именных суффиксов являются двух- и трехфонемными. В двухфонемных оба элемента могут быть заполнены согласными, напр.: *жи-[з'н'], пе-сн-я, волж-ск-ий, по-соль-ск-ий*, но возможна также модель ВС. При этом вокальная фонема может быть представлена любым гласным, а из согласных — далеко не всеми. Отсутствуют *п, п'*,

²⁶ Производные предлоги, производные частицы, подчинительные союзы имеют именные или глагольные корни, корни местоимений и наречий.

б', в', ф, ф', м', з', к', г', х', в основном используются согласные *т, к, х, ш, ч', ш', ц, в, р', н, н', j*, напр.: *патл-ат-ый, служ-ак-а, пт-ах-а, торг-аш, лов-к-ач, работ-ящ-ий, мол-од-иц-а, рук-ав, сух-[ар']*, *песч-ан-ый, расстег-ай, гад-юк-а, баб-ус-я, крас-от-а* и др. Из трехфонемных именных суффиксальных структур наиболее частотной является VCC, напр.: *коммун-изм, отч-изн-а, крут-изн-а, льд-ист-ый, овраж-ист-ый, зуб-аст-ый*. Имеются также структуры SVC (*вреди-те[л']*, *лен-тяй, градус-ник*), CCC (*сосед-ств-о, устрой-ств-о, председатель-ств-о*).

подавляющее большинство суффиксов, состоящих из четырех и более компонентов, являются сложными, образованными из двух или трех суффиксов рассмотренных выше структур (наряду с суффиксами бывают и субморфы). Сложными могут быть и трехфонемные именные. Например, суффикс *-анк-/анок-* в слове *южанка* — *южанок* образовался из *-ан-* + *-ок-*, *-чат-* в *сводчатый* из *-ч'-* + *-ат-* и т. д.; такими же являются суффиксы *-ляв-* в *костлявый, -анин* в *горожанин, -ическ-* в *кубический, -овск-* в *вузовский, -ность* в *готовность* и др. Сложные суффиксы могут образовываться из трех элементов: *-овщик* (из *ов* + *ск* + *ик*) в *старшевицк*, *-чанин* (из *ч'* + *ан* + *ин*) в *англичанин, -овлив* (из *ов* + *л* + *ив*) в *шаловливый* и др.

В глагольном суффиксальном словообразовании проявляется характерная для минимального глагольного корня специфическая черта (наличие открытых структур), выраженная, однако, более ярко: все эти словообразовательные аффиксы являются открытыми (*ужин-а-ть, крас-и-ть, толст-е-ть, бел-е-ть, увяз-ну-ть, толк-ну-ть, хозяй-нича-ть, марш-ирова-ть, привет-ствова-ть* и др.). Открытые структуры преобладают также в формообразующих глагольных суффиксах: *ид-ти, мыть-ся, пе-ва-ть, подписыва-ть, принес-ши, взя-вши*. Но здесь представлены и суффиксы-консонанты: *пис-а-ть, пе-чь, се-чь*.

Модели окончаний немногочисленны и довольно просты по структуре: V (*-а, -о, -е, -и, -у*), VC (*-ам, -ом, -ей, -еш, -иш, -ут, -ат* и др.), CV (*-ми*, ср. *дети-ми*), VCV (*-ами, -аја, -ого* и др.). В глагольных формах *ем, дам, ест, даст, есть* (3 л. ед. ч.) представлена одна согласная окончания.

Морфонологические чередования

Главное внимание морфологов приковано к производным словам, в которых имеются сочетания двух или нескольких (ряда) морфем. Именно на границе (стыке) морфем и происходят различные процессы, вызванные взаимоприспособлением оказавшихся в соседстве морфем. Чередования фонем в морфах одной и той же морфемы наблюдаются и внутри морфов, однако их удельный вес в сравнении с чередованиями на морфемном шве невелик. Из морфонологических процессов на морфемном шве наибольшей продуктивностью и распространенностью отличается чередование согласных, парных по твердости-мягкости. Второе место принадлежит несколько меньшему по частотности чередованию заднеязычных *г, к, х* и *ц* с шипящими. В противоположность этим двум видам чередований остальные характеризуются небольшой распространенностью.

Не все типы морфемных швов обнаруживают активные морфонологические процессы. Наиболее “спокойным” является стык приставки и корня, где изменения либо отсутствуют, либо ограничиваются явлениями ассимиляции, напр.: *со-автор, по-легче, разо-брать, рас-трясти*, [б'иш-ш] *абашный*, [иж-ж] *арить*, [ш'ч'] *истить*, [лч'ч'] *итать*, [пчч'-ч'] *ернить* и т. п. Наиболее значительные изменения происходят на границе корня с суффиксом и основы с окончанием.

Большая распространенность и продуктивность морфонологического чередования твердых и мягких согласных объясняется значительной численностью ряда согласных, соотносительных по твердости-мягкости (он включает более двух десятков фонем), а также достаточной интенсивностью подобного чередования внутри морфемы (ср., например, *весна* — *ве[с']не, го[с']ть, ма[с']ть*). Активным элементом, вызывающим чередование на границе корня и суффикса, является суффиксальный морф.

В самых общих чертах закономерности чередования парных твердых и мягких согласных на границе корня и суффикса можно представить следующим образом.

Корни, имеющие в исходе согласные, парные по твердости-мягкости, в зависимости от типа суффикса оканчи-

ваются либо на твердый, либо на мягкий согласный. Первую разновидность корня (*дом-*, *стол-*, *мороз-*) условно можно назвать твердой, вторую (*дом'*-, *стол'*-, *мороз'*-) — мягкой. Кроме того, на этом стыке действует правило отвердения. Суть его такова: если суффикс начинается твердым переднеязычным согласным, то все конечные парные мягкие корня, кроме [л'], заменяются твердыми: *бо[р']-ец* — *бо[р]-ца*, *ло[в']-ец* — *ло[в]-ца*, *сла[в']ен* — *сла[в]-на*, *дли-[н']ен* — *дли[н]-на*, но *де[л']ец* — *де[л']-ца*, *бо[л']ен* — *бо[л']ной*.

Именные суффиксы могут быть смягчающими и несмягчающими. При несмягчающих суффиксах сохраняется та разновидность корня, которая имеется в словообразующей основе. Эта совокупность суффиксов весьма обширна. Первое место по численности принадлежит суффиксам с начальным *о*: *-ов(ый)* (*стол* — *столовый*, *путь* — *путевый*), *-овн(а)* (*поп* — *поповна*, *король* — *королевна*), *-овищ(е)* (*коса* — *косовище*, *корень*, *корня* — *корневище*), *-овик* (*осина* — *осиновик*, *гиря* — *гиревик*), *-от(а)* (*долгий* — *долгота*, *нищий* — *нищета*) и др. Меньше суффиксов с начальным *а*: *-аш(а)* (*мама* — *мамаша*, *Дуня* — *Дуняша*), *-ашк(а)* (*морда* — *мордашка*, *двойня* — *двойняшка*), *-аст(ый)* (*глаз* — *глазастый*, *щель* — *щелястый*) и др., с начальным *у*: *-ух(а)* (*старый* — *старуха*, *горе* — *горюха*), *-уш(а)* (*кликать* — *кликуша*, *Надя* — *Надюша*), *-ульк(а)* (*сосать* — *сосулька*, *висеть* — *висюлька*) и др. Единичны суффиксы с начальной [и]: *-[ир']* (*пустой* — *пустырь*, *пузо* — *пузырь*), *-[ишк]о* (*стекло* — *стеклышко*), *-[ин']я* (*твердый* — *твердыня*, *святой* — *святыня*). Сюда же входит суффикс *-к-* (*голова* — *головка*, *яблоня* — *яблонька*, *пиво* — *пивко*, *лес* — *лесок*, *зять* — *зятек*).

Среди исключений из этой общей закономерности преобладают суффиксальные образования, в которых вместо ожидаемой мягкой разновидности корня находим твердую. Это слово с производящей основой на мягкие губные *н'*, *б'*, *в'*, а также *т'*, *д'*, *р'* в исходе (*голубь* — *голубка*, *бровь* — *бровка*, *нить* — *нитка*, *тетрадь* — *тетрадка*, *дикарь* — *дикарка*, *корень* — *коренастый* и др.), частично — на *н'*, *л'* (*тарань* — *таранка*, *камень* — *каменка*, *ель* — *елка*, *еловый* и др.); это производные от слов женского рода на *-ня* с

формой род. падежа мн. ч. на *н*: *вишня*, *вишен* — *вишенка*, *басня*, *басен* — *басенка*, *песня*, *песен* — *песенка* и др.; образования с суффиксом *-ок* от основ на субморф *-от'*: *ноготь* — *ноготок*, *локоть* — *локоток*, *лапоть* — *лапоток*, а также от отдельных слов: *пять* — *пяток*, *десять* — *десяток*, *голубь* — *голубок*; слова, образованные с отсечением основы: *соловей* — *соловушка*, *камень* — *камушек*, *деревня* — *деревушка*, *свинья* — *свинка*, *ветвь* — *ветка* и др.; слова *опенок* (от *пень*), *тетка* (от *тетя*), *дитяtko* (от *дитя*, *дитяти*). Редки случаи, когда вместо твердой разновидности корня выступает мягкая, напр.: *ран-а* — *ран-ев-ой*, *плюсн-а* — *плюсн-ев-ой*, *ячн-ый* — *ячн-ев-ый*, *чист-ый* — *чист-юл-я*.

Смягчающие суффиксы — такие, которые при образовании с ними новых слов вызывают замену конечного твердого согласного корня мягким. Большая часть из них принадлежит тем, которые начинаются гласным *и*: *-ик* (*таз* — *тазик*, *тупой* — *тупик*), *-изн(а)* (*белый* — *белизна*), *-ин(а)* (*седой* — *седина*, *дом* — *доми́на*), *-ин* (*мама* — *мамин*), *-их(а)* (*шум* — *шумиха*), *-иц(а)* — (*вода* — *водица*) и др. Немногочисленны суффиксы с начальным *э*: *-ень* (*голый* — *голень*), *-ей* (*грамота* — *грамотей*), *-еньк(ий)* (*мал*, *малый* — *маленький*) и др., с начальным *а*: *-ан(ой)* (*крупна* — *крупняной*, *глина* — *глиняный*), *-ат(а)* (*кот* — *котятa*), *-атин(а)* (*куры* — *курятина*), *-аг(а)* (*бедный* — *бедняга*) и др. Прочие суффиксы единичны: *-н(ый)* (*сало* — *сальный*), *-няк* (*береза* — *березняк*), *-н(я)* (*колокол* — *колокольня*), *-онок* (*кот* — *котенок*), *-ств(о)* (*нахал* — *нахальство*), *-j(а)* (*суд* — *судья*), *-уг(а)* (*вор* — *ворюга*), *-ук(а)* (*злой* — *злюка*, *гад* — *гадюка*) и некоторые другие ²⁷.

Закономерности чередования твердых и мягких согласных на границе корня и суффикса отличаются сложностью. Одинаковые условия могут дать неодинаковый результат (ср.: *до[м]* — *до[м]овой*, но *ра[н]а* — *ра[н']евой*), а различные условия — один и тот же (ср.: *голо[в]а* — *голо[в]ка*, но *сель[д']* — *селе[д]ка*). Е. А. Земская в особую группу выделяет суффиксы, которые то вызывают, то не вызывают че-

²⁷ Иная классификация суффиксов по их действию на корневой морф представлена в кн.: Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. С. 92—97.

редования согласных. Это суффиксы *-ак* (ср.: *простой — простак, русский — русак*; но *пошлый — пош[л']як, светлый — свет[л']як*; *-аш* (*торговать — торгоаш, морда — мордаш*; но *круглый — круг[л']яш*), *-ох(а)* (*опивать — опивоха, обирать — обироха*; но *дура — ду[р']еха, растерять — расте[р']еха*); суффикс *-ущ(ий)* от одной и той же основы может давать образования со смягчением и без смягчения: *черный — чер[н]-ущий* и *чер[н']-ющий*; *модный — мод[н]-ущий* и *мод[н']-ющий* и др.

Специфика заднеязычных согласных проявляется не только в их чередовании с шипящими, но и в корреляции по твердости-мягкости. Целесообразно рассмотреть эти явления вместе.

Находящиеся в конце корня заднеязычные согласные и *ц* могут заменяться шипящими как перед смягчающими, так и перед несмягчающими суффиксами, ср.: *песок — песчаный, деньги — деньжата, скворец — скворчатник, тихий — тишина, овца — овчина, книга — книжица, табак — табачный, конюх — конюшня, скворец — скворечня, друг — дружеский, пастух — пастушеский, бог — божество, монах — монашество* и т. д. (суффиксы смягчающие); *бумага — бумажка, рука — ручка, ухо — ушко, овца, овец — овечка; яйцо, яиц — яичко; книга — книжечка, пух — пушочек, река — реченька, внук — внучатый* и т. д. (суффиксы несмягчающие)²⁸. Но такое изменение заднеязычных и *ц* имеет место перед одной частью смягчающих и несмягчающих суффиксов; другая часть тех и иных в известной мере дифференцирует корни на названные согласные. В этом случае перед несмягчающими суффиксами заднеязычные и *ц* словообразующей основы сохраняются без изменений, напр.: *грех — греховный, отец, отца — отцовство, жених — жениховство, Марк — Маркович, долгий — долготы, толкать — толкотня, строгий — строгость, Волга — волгарь, верх — верхушка* и т. д. Не отличаются они в своем поведении от других твердых согласных также перед рядом смягчающих суффиксов, начи-

²⁸ Чередование заднеязычных и *ц* с шипящими имеет место и в глаголах с суффиксами *-ничать, -чить, -еть, -ать*: *бродяга — бродяжничать, вьюк — вьючить, убогий — убожить, крепкий — крепчать, венец — венчать*.

нающихся гласной [и], изменяясь в соответствующие мягкие. Таковы суффиксы *-ист*: *штанга* — *штан*[г']-*ист*, *значок* — *знач*[к']-*ист*, *Мах* — *ма*[х']-*ист*, *футбол* — *футбо*[л']-*ист*, *баян* — *бая*[н']-*ист*; *-изм*: *кучка* — *куч*[к']-*изм*, *Мах* — *ма*[х']-*изм*, *капитал* — *капита*[л']-*изм*; *-ич*: *Лука* — *Лу*[к']-*ич*, *Москва* — *моск*[в']-*ич*; *-ин*: *Ольга* — *Оль*[г']-*ин*, *бабушка* — *бабуш*[к']-*ин*, *папа* — *па*[п']-*ин*, *муха* — *му*[х']-*ин* и т. д. Но в позиции перед рядом смягчающих суффиксов проявляется специфическое положение заднеязычных в системе согласных. В чередовании по твердости-мягкости при наличии некоторых общих явлений со всеми иными согласными заднеязычные обнаруживают значительное несходство с ними.

Дифференцирующей является позиция перед суффиксами *-[и]н(я)*, *-[и]ш*. Здесь твердые заднеязычные чередуются с мягкими; из остальных согласных твердые сохраняются, а мягкие чередуются с твердыми: *бог* — *бо*[г']-*иня*, *монах* — *мона*[х']-*иня*, но *гордый* — *гор*[д]-*ыня*, *твердый* — *твер*[д]-*ыня*, *барин* — *ба*[р]-*ыня*, *гусь* — *гу*[с]-*ыня* и др. (имеется одно исключение: *граф* — *гра*[ф']-*иня*); *мягкий*, *мягкая* — *мя*[к']-*ий*, но *голый* — *го*[л]-*ыш*, *крепкий* — *кре*[п]-*ыш*. Перед суффиксами *-еньк(ий)* / *-енек*, *-оньк(ий)* / *-онек*, *-охоньк(ий)* / *-охонек*, *-ошеньк(ий)* / *-ошенек* парные по твердости-мягкости обнаруживают чередование, а заднеязычные сохраняются без изменений: *малый* — *ма*[л']-*енький*, *ма*[л']-*енек*, *частый* — *час*[т']-*енек*, но *легкий* — *ле*[г]-*онький*, *ле*[г]-*онек*, *далекый* — *дале*[к]-*онький*, *дале*[к]-*онек*, *сухой* — *су*[х]-*онький*, *су*[х]-*онек*; *белый* — *бе*[л']-*охонький*, *густой* — *гус*[т']-*охонький*, но *тихий*, *тихая* — *ти*[х]-*охонький*, *ти*[х]-*охонек*; *легкий*, *легкая* — *ле*[г']-*охонький*, *ле*[г]-*охонек*; *здоровый* — *здоро*[в']-*ешенький*, *здоро*[в']-*ешенек*, но *легкий*, *легкая* — *ле*[г']-*ошенький*, *ле*[г]-*ошенек*.

Таким образом, заднеязычные оказывают сопротивление смягчению. Это сопротивление выходит за рамки названных суффиксальных образований, оно захватывает отдельные слова и группы слов, в которых замена заднеязычного шипящим закономерна. Так, в словах *руг-н-я* (от *ругать*), *брех-н-я* (от *брехать*) заднеязычные корней сохраняются перед смягчающими суффиксами (ср.: *конюш-н-*

я, *сквореч-н-я* и т. п.). Весьма показательны в этом отношении — прилагательные с суффиксом *-ск-*, произведенные от этнонимов и топонимов. В давних образованиях чередование заднеязычных с шипящими обычно выдерживается: *Онега* — *онежский*, *Калуга* — *калужский*, *Рига* — *рижский* и т. п. В более поздних образованиях заднеязычные в производном сохраняются: *Лейпциг* — *лейпцигский*, *Чикаго* — *чикагский*, *Нью-Йорк* — *нью-йоркский* и т. д.

Случай сохранения заднеязычного в производном оказывают влияние на ранее образованные прилагательные со смягчением заднеязычных, рядом с которыми появляются прилагательные без смягчения. При этом в течение определенного времени сосуществуют варианты: *казаи-ский* — *казахский*, *выборжский* — *выборгский*, *таганрожский* — *таганрогский*, *калмыцкий* — *калмыкский* и др.; в середине прошлого века встречалось прилагательное *петербуржский*. Стремление к сохранению заднеязычного в исходе производящей основы наблюдается и в отдельных прилагательных с суффиксом *-лив-*: *пугаю* — *пуглив*, *брезговать* — *брезглив*, *крик* — *криклив* (ср. закономерные: *драка* — *драчлив*, *берегу* — *бережлив*, *смех* — *смешлив* и т. д.).

Чередование губных с сочетаниями “губной + л’” *б/бл’, н/нл’, в/вл’, ф/фл’, м/мл’* характерно для определенных грамматических форм: 1 л. ед. ч. глаголов с основами на губные (*любить* — *люблю*, *топить* — *топлю*, *ловить* — *ловлю*, *графить* — *графлю*, *дымить* — *дымлю*), страдательных причастий прошедшего времени подобных глаголов (*возлюбленный*, *истопленный*, *задымленный*), существительных с суффиксом *-ение*, образованных от глаголов на *-ить* (*озлобить* — *озлобление*, *оживить* — *оживление*). Во всех прочих случаях оно представлено немногочисленными примерами: *откормить* — *откармливать*, *топить* — *топьяк* ‘утопленное бревно’. Образования типа *Рим* — *римлянин*, *Киев* — *киевлянин* уступают в языке место другим, без такого чередования, напр.: *остров* — *островтянин*, *Варшава* — *варшавянин*.

Чередование *д(д’)/ж/жд; т(т’)/ч/щ; ст’/щ; з(з’)/ж; с(с’)/ш; ск/щ; зг/ж* наблюдаются в именах существительных (*гладить* — *глажение*, *медведь* — *медвежатина*, *мед-*

вежонок; ходить — хождение, восхитить — восхищение, светить — свечение, крестить — крещение, изобразить — изображение, приносить — приношение и др.), прилагательных (лебедь — лебяжий, ребята — ребячий, ребячливый; воск — вощаной; но ср.: коза — козий, рысь — рысий), формах 1 л. ед. ч. глаголов на -ить, образованных от основ существительных (чад — чадить, чажу; золото — золотить, золочу; мороз — морозить, морожу; коса — косить, кошу), страдательных причастиях прошедшего времени (заморозить — замороженный, позолотить — позолоченный, накосить — накошенный и т. д.).

Чередование *к/ц* наблюдается в прилагательных, которые образуются с помощью суффикса *-ск-* от существительных на *-к*; *батрак — батрацкий, бедняк — бедняцкий, моряк — моряцкий* и др.

Все рассмотренные чередования осуществляются в корневых морфемах. В составе аффиксальных морфем такие изменения немногочисленны. В пределах русской лексики они представлены беглыми гласными в приставках *во-/в-, со-/с-, взо-/вз-, безо-/без-, изо-/из-, надо-/над-, низо-/низ-, ото-/от-, подо-/под-, предо-/пред-, разо-/раз-, чрезо-/чрез-* и суффиксах *-ок-/к-, -ец-/ц-, -еств(о)/-ств(о), -еск(ий)/-ск(ий), -ен-/н-* и чередованием *щ/ч* в суффиксах *-щик/-чик, -щиц(а)/-чиц(а), -щин(а)/-чин(а)*. Эти пары неодинаковы по условиям, определяющим наличие того или иного алломорфа. В префиксах присутствие или отсутствие беглого гласного находится в зависимости от корневого морфа: если он является односложным и сам характеризуется чередованием гласного с нулем звука, то перед ним выступает алломорф без гласного, напр.: *сжечь — сожгу, отпереть — отпру, разгону — разогнать, вбивать — вобью, вливать — волью*. Наличие алломорфов *-ок-/к-* и *-ец-/ц-* определяется прежде всего последующим морфом: алломорф без гласного находим перед гласным следующего морфа: *песок — песка, борец — борца* и т. д. Имеется зависимость и от предшествующего: если в конце последнего находится сочетание согласного с сонорным или *в*, то суффиксы сохраняют гласный: *наглец — наглеца, беглец — беглеца, мертвец — мертвеца, челнок — челнока, игрок — игрока*. В противоречии с этим морфонологическим пра-

вилом находятся случаи типа *ходок* — *ходока*, *седок* — *седока*, *едок* — *едока*.

Предшествующий морф определяет наличие того или иного алломорфа суффиксов *-еск(ий)/-ск(ий)*, *-еств(о)/-ств(о)*; первые члены этих пар находим после корней с шипящими в исходе: *дружеский*, *монашеский*, *отроческий*, *существо*, *человечество*, *множество*, *детский*, *сельский*, *учительство*, *крестьянство*. Однако в прилагательных эта закономерность выдерживается не строго, наряду с приведенными существовали образования типа *волжский*, *калужский*, *чешский* с алломорфом *-ск-* вместо ожидаемого *-еск-*. Это вторжение алломорфа *-ск-* в сферу *-еск-* свидетельствует о большей жизнеспособности первого. В этом отношении показательно и вытеснение прилагательным *мужской* устарелого *мужеский*. Распирению сферы действия алломорфа *-ск-* способствует и образование новых прилагательных с суффиксом *-ск-* от основ на заднеязычные без чередования (*узбекский*, *оренбургский* и т. п.).

Более строгая закономерность характерна для чередования *щ/ч* в суффиксах *-щик/-чик*, *-щищ(а)/-чищ(а)*, *-щин(а)/-чин(а)*. Если в конце корня имеется сочетание “гласный + *т, д*”, то находим морфы с начальным *ч*, а во всех остальных случаях — морфы с начальным *щ*: *газетчик*, *аппаратчик*, *разведчик*, но *каменщик*, *выдумщик*, *наборщик*, *флейщик*; *растратчица*, *аппаратчица*, но *банища*, *выдумщица*; *складчина*, *солдатчина*, но *кустарицина*, *иностраница*.

Чередования не на морфемном шве в русском языке единичны. Они представлены лишь в корневых морфах. Чередование *о, е* с нулем звука наблюдается при образовании падежных форм: *сон* — *со́на*, *мох* — *мо́ха*, *рот* — *ро́та*, *день* — *до́ня*, *камень* — *камо́ня* и т. д., а также при образовании от этих слов новых: *сон* — *со́нотворный*, *мох* — *мо́шистый*, *день* — *до́невной*. Мена *о* и *а* имеет место в глаголах совершенного вида и образованных от них посредством суффикса *-ива-/ -ыва-* глаголах несовершенного вида. Это отмечается обычно тогда, когда в исходном глаголе ударение падает на тематический гласный: *запросить* — *запрашивать*, *опоздать* — *опаздывать*, *умолчать* — *умалчивать*, *просмотреть* — *просматривать* и т. п.

При ударении в исходном глаголе на корне чередование не наблюдается: *замусолить* — *замусоливать*, *растревожить* — *растревоживать*, но оно может и быть: *облагородить* — *облагораживать*, *приспособить* — *приспосабливать* и др. Отмечается наличие вариантов, из которых нормой могут быть либо оба (*обусловить* — *обуславливать* и *обусловливать*, *заподозрить* — *заподозривать* и *заподозривать*), либо один (в примерах он следует сразу за исходным глаголом): *утроить* — *утраивать* и *утроивать*, *удостоить* — *удостаивать* и *удостоивать*, *унавозить* — *унавоживать* и *унаваживать*, *уполномочить* — *уполномочивать* и *уполномачивать* и др. В белорусском языке подобные глаголы несовершенного вида образуются по-разному: без чередования гласных (*наладзіць* — *наладжваць*, *заквасіць* — *заквашваць*; *абмарозіць* — *абмарожваць*, *падвоіць* — *падвойваць*), а также с меной различных гласных. Во многих наблюдается чередование, противоположное представленному в русских глаголах, т. е. *а/о*: *утаіць* — *утойваць*, *намачыць* — *намочваць*, *запрасіць* — *запрошваць*, *абматаць* — *абмотваць*, *апагнаваць* — *апаноўваць*, *адстаяць* — *адстойваць*, *вырасціць* — *вырошчваць* и т. д.

В образовании новых слов и словоформ главная роль принадлежит аффиксам. А чередование — это только дополнительное средство, оно лишь сопутствует аффиксации. В русском языке с давних времен действует стремление к ослаблению чередований, выравниванию основы. Ведь любое чередование в той или иной мере отдаляет друг от друга алломорфы, следовательно, затемняет их родство. И хотя слова *Онега*, *онежский* любым носителем русского языка осознаются как однокоренные, в паре *Оренбург* — *оренбургский* близость выражена ярче, так как здесь отсутствует помеха в виде даже привычного чередования. Этим и объясняется рост образований типа *калмыкский*, *великолукский*, *казахский*.